

А. ДАВЫДЫЧЕВ

ВТОРОКЛАССНИКА И ВТОРОГОДИКА

Пермское
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1 9 6 2

Л. ДАВЫДЫЧЕВ

**МНОГОТРУДНАЯ,
ПОЛНАЯ НЕВЗГОВ
И ОПАСНОСТЕЙ
ЖИЗНЬ
ИВАНА СЕМЁНОВА,
ВТОРОКЛАССНИКА
И ВТОРОГОДНИКА,**

НАПИСАННАЯ НА ОСНОВЕ ЛИЧНЫХ
НАБЛЮДЕНИЙ АВТОРА И РАССКАЗОВ,
КОТОРЫЕ ОН СЛЫШАЛ ОТ УЧАСТНИКОВ
ИЗЛАГАЕМЫХ СОБЫТИЙ, А ТАКЖЕ
НЕКОТОРОЙ ДОЛИ ФАНТАЗИИ

ДЛЯ ДЕТЕЙ СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

Художник
Рифкат Багаутдинов

ГЛАВА № 1.

СЛУЖАЩАЯ КАК БЫ
ВСТУПЛЕНИЕМ К
ОПИСАНИЮ ЖИЗНИ
ИВАНА СЕМЁНОВА
И ОБЪЯСНЯЮЩАЯ
НЕКОТОРЫЕ ПРИЧИНЫ
ЕГО ДАЛЬНЕЙШЕГО
ПОВЕДЕНИЯ

САМЫЙ НЕСЧАСТНЫЙ ЧЕЛОВЕК НА СВЕТЕ

Иван Семёнов — несчастный, а может быть, самый несчастный человек на всём белом свете. Почему?

Да потому, что, между нами говоря, Иван не любит учиться, и жизнь для него — сплошная мука.

Представьте себе крепкого, рослого мальчишку с наголо остриженной и такой огромной головой, что не всякая шапка на неё налезет. И этот богатырь учится хуже всех в классе.

Обидно?

Ещё как!

Кому обидно?

Да всему классу!

А Ивану?

А ему хоть бы хны!

Вот так тип!

В прошлом году играл он в белого медведя, целый день на четвереньках ходил по снегу — заболел воспалением лёгких.

Лежал Иван в постели еле живой и хриплым голосом распевал:

Пирамидон-мидон-мидон!

Аспирин пирин-пирин!

От лекарства пропаду-ду-ду!

Только в школу не пойду-ду-ду!

Долго лежал Изан, похудел. И едва выпустили его на улицу, он давай кота Бандюгу ловить: хотел дрессировкой заняться. Бандюга от него стрелой, Иван за ним, поскользнулся — руку вывихнул и голову чуть не расколол.

Опять его в постель, опять он еле живой, опять хриплым голосом поёт:

На кровати я лежу-жу-жу!

Больше в школу не хожу-жу-жу!

Лучше мне калекой быть-быть-быть!

Лишь бы в школу не ходить-дить-дить!

Хитрый человек этот Иван Семёнов! Уж совсем поправился, а как врач придёт, Иван застонет, глаза закатит и не шевелится.

— Ничего не могу понять, — говорит врач, — совершенно здоровый мальчик, а стонет. И встать не может. Ну-ка, встанем!

Иван стонет, медленно опускает ноги с кровати, встаёт.

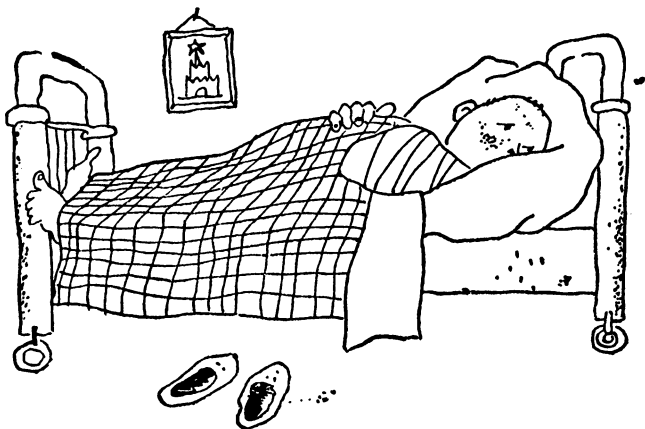
— Вот и молодец, — говорит врач.

Иван вдруг — хлоп на пол! Только голова со-
стукала.

Его обратно в кровать.

План у Ивана был простой — болеть как можно дольше. И всех бы он перехитрил, если бы не муха.

Муха, обыкновенная муха, подвела Ивана. За-
летела она в комнату и давай жужжать. Потом

давай Ивану на нос садиться. Он её гонял, гонял — никакого результата. Муха оказалась вредной, ехидной и ловкой. Она жужжит, Иван — чуть не кричит.

Извела муха Ивана.

И спокойненько уселась на потолок.

«Подожди, — решил Иван, — сейчас я тебе напинаю». Он подтащил стол, на стол поставил стул, взял полотенце, чтобы прихлопнуть муху, и — залез.

Муха улетела.

Иван от злости давай полотенцем по потолку хлопаты! Вспотел даже.

В это время в комнату вошёл врач. Попало Ивану, невезучему человеку, так попало, что с тех пор он мух бьёт кулаком, да изо всех сил!

Оставили Ивана во втором классе на второй год.

Все Ивана жалели.

А он?

А он хоть бы хны!

Ну не получается у него учёба! Вот сядет он уроки готовить, обмакнёт перо в чернила, вздохнёт — клякса. Иван её промокашкой хлоп! Клякса посветлеет, но станет ещё больше. Иван снова обмакнёт перо, снова вздохнёт и — снова клякса.

Смотрит он на кляксы и мечтает. Хорошо бы сделать так, чтобы голова отвинчивалась. Пришёл бы он в класс, спокойненько сел бы на своё место, отвинтил бы голову и спрятал бы её в парту.

Идёт урок. Ивана, конечно, не спрашивают: не может же человек без головы говорить! Ведь говорит-то он ртом, рот-то у него в голове, а голова — в парте. Звонок. Иван привинчивает голову

и носится по школе.
Звонок на урок.
Он голову — вжик!
вжик! вжик! — и об-
ратно в парту. Си-
дит. Красота!

Думал Иван, ду-
мал и придумал од-
нажды замечатель-
ную штуку. Пришёл
он как-то в школу,
сел за парту и мол-
чит. Минуту молчит,
вторую молчит, тре-
тью... Пять минут
прошло, а он молчит!

— Что с тобой? —
спрашивают ребята.

Иван отвечает:

— Зззззззз... ззз-
ззз... — и голова у
него дёргается.

— Заболел? —
спрашивают ребята.

Иван кивает.

— Чем заболел?

Иван мелом на
доске пишет:

Я заяка

Ребята ничего не
понимают. Колька
Веткин говорит:

— Да ты и не похож на зайца.

Иван весь задрожал и:

— Зззззззззззз....

— Заикой он стал! — догадался Паша Воробьёв. — Заикой, а не зайкой.

Иван обрадованно закивал.

Как только в класс вошла Анна Антоновна, ребята загалдели:

— Семёнов болен!

— Он заикой стал!

— Говорить не может!

И всем классом, хором:

— Зззззззззззз....

— Тише, — сказала Анна Антоновна и вызвала Ивана к доске, стала спрашивать.

А Иван отвечал так:

— Трр... бр... др... — и голова у него дёргалась.

— Молодец, — сказала Анна Антоновна, — правильно ответил. Ставлю тебе пять с плюсом.

— Пять с плюсом?! — радостно переспросил Иван, который ни разу в жизни и четвёрки-то не получал, а ребята захохотали.

Вызвали отца Ивана в школу. Ох, и попало потом зайке-заике!

И сказал он друзьям:

— Хватит. Точка. Не могу больше так жить. Буду проситься на пенсию. Со здоровьем у меня из-за этой учёбы совсем плохо. Напишу заявление.

— Куда заявление?

— Знаем куда.

Весь вечер трудился Иван над заявлением. Вот что у него получилось:

Внимательство.

Учительница Меня
Мурлит. за каждую
ошибку ставит
пору. Трагич
примеру и
освободит Меня
по здоровью ~~от~~
отдыха. спасибо
Хорошо пасмурно
печально. Зато
к вам опять спасибо
и привет
Иван Семёнов.

На конверте он написал:

Станица Москва
Внештёрство наст
письми от Ивана
Семёнова с приветом
вам зайвение.

Через день почтальон принёс письмо обратно и сказал Ивану:

— Нет такого адреса. И ошибок больно много. Рано тебе ещё жаловаться. И пенсию рано просить. Сначала школу окончи, поработай, потом жалуйся сколько тебе угодно.

Много разных историй с Иваном было, всех не расскажешь. Но вы уже поняли, какой это несчастный человек.

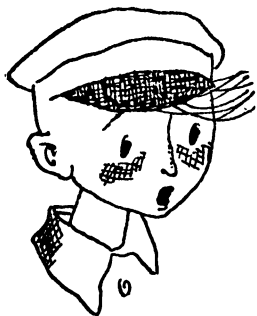
И вот последний случай: надумали в шпионов играть. Ивану хотелось быть командиром советских разведчиков.

А что получилось?

КАК ВЫБИРАЛИ ШПИОНА

Никто не сомневался, что лучше всего шпионом выбрать первоклассника Алика Соловьёва. Его и поймать легко, и настукать в любой момент можно, если будет спорить. А если ещё учесть, что Алик никогда не ябедничает, то станет ясно: лучше шпиона и не найти.

Правда, он трусоват. Иг-
рали как-то в американ-
ского лётчика-шпиона. Па-
уэрса. Пауэрсом выбрали
Алика. Посадили его на
крышу сарая — будто на
самолёте летит — и давай
в него ракетами (то есть
камнями) стрелять. С два-
дцатого выстрела попали —
шишка! Хорошо, в общем,
поиграли. А он обратно сле-
зая боится. Орали на него,

орали, снова ракеты запускали. Пришёл милицио-
нер Егорушкин. Полез он за Аликом, да сам с
крыши грохнулся. Попало ребятам.

И всё-таки лучше шпиона, чем Алик, не найти.

Кстати, он никак не мог научиться правильно
произносить слова с приставками «пре» и «пере».
У него получалось:

— Я пер-прыгнул.

— Я пер-пугался.

Значит, можно было считать, что Алик говорит
на иностранном языке.

Всем было ясно, кто и на этот раз будет шпио-
ном. Однако для видимости решили проголосовать
и до того разорались, что Алик крикнул:

— Пер-катите!

Минутку помолчали и опять разорались.

Потом началась драка.

Драка началась из-за того, что Иван обозвал
Кольку килькой.

— Какая такая килька? — обиженно спросил Колька.

— Маринованная, — ответил Иван, — или в собственном соусе. Ноль руб пятьдесят коп банка.

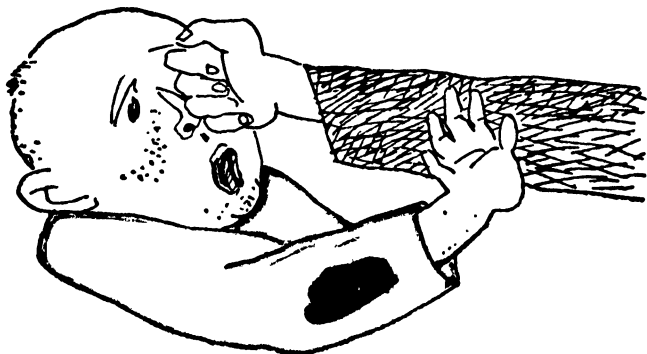
— Это я-то килька? — и Колька без лишних разговоров дал Ивану пинка. — Видал кильку?

Кто-то за кого-то заступился, и возник бой.

Главное в драке — не закрывать глаза. А один друг Ивана — Паша Воробьёв — всегда закрывал глаза и стоял в центре боя, вытянув руки по швам. Ну и доставалось же ему!

Иван любил драться. Он вам не будет разбирать, кто свой, а кто чужой. Ему важно именно драться — машет руками, а то и ногами во все стороны и даже бодается. И очень часто случилось, что он помогал противнику выиграть сражение, так как бил своих.

На этот раз всё произошло немножко наоборот. Не забудьте, что в данной драке совершенно

невозможно было разобраться, кому кого надо бить. Но каждый решил: не беда, начнется бой — видно будет, кто свои, кто враги.

Паша глаза по привычке закрыл, но руки его заработали сами собой.

Свой первый в жизни удар Паша нанёс своему другу — Ивану.

Иван от неожиданности рот раскрыл. А Паша ведь не видит, кого бьёт, и опять — раз ему в то же самое место, то есть в лоб.

Тут Иван до того растерялся, что закричал:

— Своих бьёшь!

А Паша ни остановиться, ни открыть глаза не может: страшно.

Тогда Иван глаза тоже закрыл. Что тут получилось, никакими словами не передать!

Ребята так устали, что драка кончилась сама собой. Все сели. Говорить никто не мог: кто язык прикусил, у кого губа распухла. И никто не может вспомнить, из-за чего друг друга молотили.

Вдруг откуда ни возьмись — учительница.

— Что у вас здесь происходило?

— Пер-дрались все. — Алик Соловьёв махнул рукой.

А вы знаете, что когда нужно срочно определить виновников драки, им всегда оказывается тот, кому больше всех попало.

— Семёнов, после уроков зайдёшь в учительскую, — сказала Анна Антоновна и ушла.

— Так тебе и надо, — сказал Колька, — не будешь человека килькой обзывать. Да ещё ноль руб пятьдесят коп банка.

Иван хотел ответить, но Колька закричал что было силы:

— Кто за то, чтобы Ивана шпионом выбрать, поднимите ноги!

А в это время — звонок.

Ребята все — бух на спину и ногами задрывали. Это у них называлось голосованием.

Так Ивана выбрали шпионом.

Алик Соловьёв сказал:

— Пер-касно.

ТЯЖЁЛЫЙ РАЗГОВОР

После уроков Иван проговорил мрачно:
— Прощайте, товарищи.

Все молчали, опустив головы: человека в учительскую вызвали — не маленькие, понимаем что к чему.

— Ябедничать я, конечно, не буду, — продолжал Иван, — но учтите, что страдаю я из-за Кольки.

— Вот это я понимаю! — воскликнул Колька (так он говорил, когда чего-нибудь не понимал). — Он один раз из-за меня пострадать не может. А сколько раз я из-за тебя мучился? А? Кто в прошлом году в коридоре во время уроков лаял?

— Иван! — хором ответили ребята.

— А кому попало?

— Тебе!

— Мне! — и Колька ударил себя в грудь. — А кто придумал ручки в пол втыкать?

— Иван!
— А кому попало?
— Тебе!
— Мне! — и Колька так ударил себя в грудь, что ойкнул.

— Сравнил, — презрительно сказал Иван. — Подумаешь, собакой лаял. А тут — драка. Теперь меня, как миленького, из школы выгонят! — весело закончил он.

— Куда же ты тогда денешься? — спросил Паша.

— Не бойся, не пропаду. В милицию, например, устроюсь. Палку в руку и — пошёл! Раз — грузовик стоп, два...

— Иди-ка лучше в учительскую, — перебил Колька, — там тебе раз-два — и стоп.

Ушёл Иван, а ребята загалдели: что делать, если его из школы выгонят?

Иван, подходя к учительской, думал: «Несчастный я человек. Дрались все, отвечать мне. Будет она меня мучить. Говорить начнёт. Мол, драться нельзя. Мол, выгнать тебя

надо из школы. И что обидно: не выгонят!»

Четыре раза подряд вздохнув, Иван вошёл в учительскую.

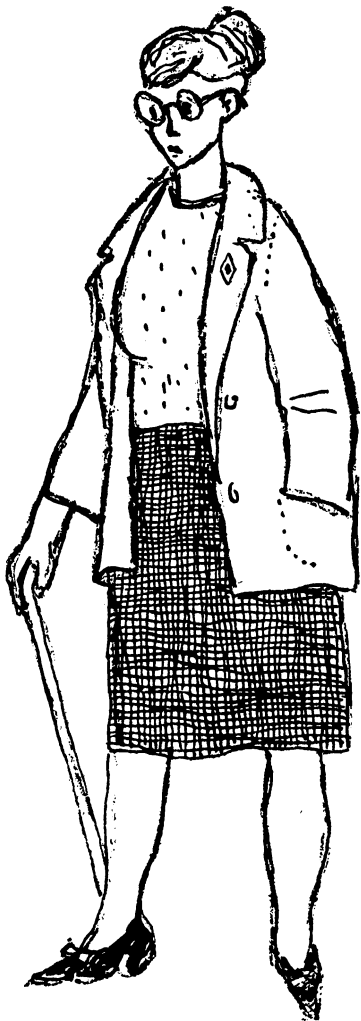
— Жаль мне тебя, — сказала Анна Антоновна, — живёшь ты плохо. Да?

— Плохо, — Иван опять вздохнул. — Не жизнь, а учёба. Мне бы только со школой разделаться, а там я... — Глаза его заблестели. — Да я знаменитым человеком стану!

— Нет, не станешь ты знаменитым человеком, — сказала Анна Антоновна, — ты ведь лодырь.

— Ну и что? Я ведь сейчас лодырь, а потом — нет.

— Потом поздно будет. Надо теперь же за ум браться. Жаль мне тебя, — повторила Анна Антоновна, — плохо ты живёшь, неинтересно. Подумай

над этим. Обязательно подумай. Можешь идти.

— Как?! — поразился Иван. — А насчёт драки?

— Сами разберётесь. Иди. И даже не надейся, что будешь знаменитым человеком. Если, конечно, не исправишься. Никогда лодыри не становились знаменитыми людьми.

— А я буду, — упрямо проговорил Иван. — Да вы знаете, кем я буду? Лунатиком! Первым лунатиком! — и сразу успокоился.

Анна Антоновна рассмеялась.

— Кем? Кем? — сквозь смех переспросила она.

— Лунатиком, — с гордостью ответил Иван. — На Луну полечу. Здоровых ведь будут подбирать.

— Так ведь... так ведь... — смех мешал Анне Антоновне говорить. — Лунатиком! Ох... ведь лунатик... это болезнь такая. Кто ею болеет, того и называют лунатиком.

— Да ну? — удивился Иван, но, как человек упрямый, добавил твёрдо: — Так я лунатик и есть. Давным-давно болею.

— Выдумываешь ты всё, — сказала Анна Антоновна, — просто стыдно иногда за тебя бывает. Неужели тебе самому не стыдно?

— Нет, — признался Иван, — я не виноват, что у меня жизнь несчастная.

— Выдумываешь ты всё, — повторила Анна Антоновна. — А пора бы тебе за ум братья. Можешь идти.

Иван выскочил из учительской, промчался по коридору и остановился, почувствовав, что ему непонятно отчего грустно. «Пора за ум братья, —

подумал он и, бросив портфель на подоконник, обеими руками взялся за свою большую голову. — Ну и что? Вот и взялся за ум, а толку?»

Постоял он так, постоял и вышел на улицу.

— Ну? — спросили ребята. — Здорово попало?

— В том-то и дело, что не попало, — ответил Иван. — Но разговор был тяжёлый.

— Тяжёлый? — спросили ребята. — Это как?

— А вот так. Лучше и не спрашивайте. И жизнь у меня тяжёлая, и даже разговоры у меня тяжёлые. Не то что у вас. И ещё она сказала, что я не лодырь, а просто несчастный человек.

— Врёшь!

— Не верите, не надо. И ещё она сказала: будешь ты, Иван Семёнов, знаменитым человеком.

— Да врёшь! — возмутился Паша. — Ты же двоечник!

— Ну и что? Она сказала, что все знаменитые люди в детстве были двоечниками.

— А это видал? — спросил Колька, показывая Ивану три пальца, сложенные, сами понимаете, в одну фигуру, названия которой я что-то не помню.

Иван сжал кулаки.

— Пер-катите! — крикнул Алик. — А то опять пер-дерётесь!

— Тем более, — грозно проговорил Иван, — что я, к вашему сведению, лунатик.

Ребята испуганно примолкли.

— Лу-на-тик! — крикнул Иван. — Понятно?

— Нет, — шёпотом, с уважением ответили ребята.

— Болезнь это такая, — схватившись за сердце, объяснил Иван. — Страшной силы болезнь. Не знаю, что и делать. — Он закатил глаза и простонал: — О-о-о... раз десять каждый день за мной скорая помощь приезжает. Измучились все, а вылечить не могут.

Ошеломлённые ребята молчали.

— Да врёт он всё! — жалобно, с завистью крикнул Колька. — Хвастается он!

— Пер-вирает, — тихо добавил Алик.

— Жалко мне вас, — сказал Иван, — плохо вы живёте, неинтересно. Даже болеть не умеете. Подумайте над этим. Пора вам за ум браться.

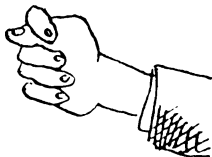
— А как? — спросили ребята.

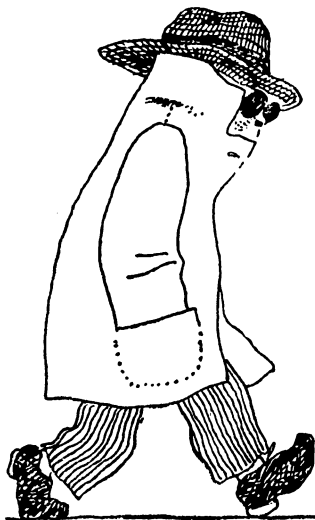
— А вот так, — и Иван, бросив портфель, схватился за свою большую голову обеими руками.

Ребята проделали то же самое.

— Врёт, он врёт! — чуть не плача от зависти, кричал Колька.

— Играть начнём в двенадцать часов ноль-ноль минут, — грозно сказал Иван. — Ещё пожалеете, что меня шпионом выбрали! — Он оскалил зубы. — Не поймать вам меня! Не найти вам меня! — и убежал.

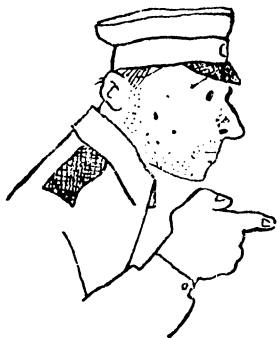

ГЛАВА № 2,
в которой описывается
игра в шпионов и встреча
Ивана с настоящими
шпионами, которые
оказались ненастоящими

СТРАННЫЙ ЧЕЛОВЕК В ТЁМНЫХ ОЧКАХ

В двенадцать часов ноль-ноль минут милиционер Егорушкин заметил около клуба речников странного человека в пиджаке с поднятым воротником и в соломенной шляпе. Глаза его прятались за тёмными очками, руки были засунуты в карманы. Он всё время оглядывался по сторонам и злобно скалил зубы.

В двенадцать часов ноль три минуты милиционер Егорушкин подошёл к нему и спросил:

— Что это ты в таком подозрительном виде разгуливаешь? Да ещё на территории клуба? Да ещё зубы скалишь?

Странный человек ответил хриплым голосом:

— Не понимайт!

Милиционер Егорушкин проговорил сердито:

— Вот доставлю в отделение, сразу поймёшь.

Человек в тёмных очках вытащил из кармана пистолет, прицелился милиционеру в нос, крикнул:

— Бах! Бах! — И бросился наутёк.

— Я тебе дам «Бах! Бах!»! — крикнул Егорушкин. — Ты у меня побахаешь!

Вскоре странный человек появился в продовольственном магазине. Он бросился к прилавку, оскалил зубы и хриплым голосом сказал:

— Биттэ, дриттэ, фрау, мадам, цвай брот, шпindelь!

Продавщица спросила испуганно:

— Чего, чего?

— Р-р-юки вверх! — прохрипел человек в тёмных очках. — Гутен так! Драйт! Си бемоль! Урна!

Продавщица схватила нож и крикнула:

— Сам руки вверх, шпindelь!

Тогда странный человек вытащил пистолет, прицелился продавщице в нос и —

— Бах! Бах! — И выбежал из магазина.

ШПИОН УБИВАЕТ ДЕДА ПО ПРОЗВАНИЮ ГОЛОВА МОЯ ПЕРСОНА, А ДЕД ЛЫТАЕТСЯ ВЗЯТЬ ШПИОНА В ПЛЕН

 н промчался по улице и через несколько минут был у здания конторы. Там грелся на солнышке дед по прозвищу Голова Моя Персона. Человек в тёмных очках подсел к нему, тяжело дыша.

Дед спросил:

— В шпионов, что ли, играете?

— Не понимайт!

— Я говорю: в шпионов, что ли...

— Р-р-рюки вверх!

Дед послушно поднял обе руки вверх и недовольно пробормотал:

— Посидеть спокойно не дадут.

А ежели я тебя самого в плен возьму?

А ежели я тебя в милицию доставлю лично к товарищу Егорушкину?

Человек в тёмных очках вытащил пистолет, прицелился деду в бороду и —

— Бах! Бах!

И дед повалился на скамейку. Станный человек от изумления открыл рот. Вы, конечно, догадались, что пистолет у него был деревянный и никак не мог выстрелить по настоящему.

А дед по прозвищу Голова Моя Персона лежал, закрыв глаза, не шевелился и только посапывал трубочкой.

— Дедушка, а дедушка! Ты притворяешься?

— Ничего я не притворяюсь. Убил ты меня, голова моя персона.

— У-убил?!

— Наповал.

— А почему же ты разговариваешь?

— Вот поговорю немного, трубочку докурю и помру.

— Не умирай, дедушка, миленький!

— Нет, помру, — упрямо повторил дед, — а тебе отвечать, голова моя персона.

Станный человек бросился бежать. Дед быстро сел, позвал:

— Былхвост!

Из-под скамейки выполз заспанный пёс.

— Усь шпиона!

Пёс в несколько прыжков догнал странного человека, обежал его и отрезал путь к отступлению.

Смешной это был пёс. Засоня, между нами говоря. Просыпался он только для того, чтобы поест и почесаться. Дед работал сторожем, и ему часто советовали сменить собаку.

— Засоня ведь он, — говорили деду, — проспит всех жуликов.

— Не беспокойтесь, граждане, — отвечал в таких случаях дед, — я его разбуду в один момент, как только жуликов слышу.

Вот и сейчас Былхвост тут же, на дороге, задремал. Поэтому дед через равные промежутки времени будил его криком:

— Усь!

— Дедушка! — попросил странный человек. — Убери ты своего зверя!

— Не понимайт, — ответил дед и принялся неторопливо набивать свою трубочку табаком. — Не так уж часто в нашем посёлке шпионы встречаются. Я вот первый раз встретил. А ежели мы с Былхвостом задержали шпиона, то не отпустим.

— Отпусти, дедушка!

— Как же я тебя отпущу, когда я убит наповал?

Тогда странный человек зарычал, оскалив зубы.

Пёс проснулся, сладко зевнул, почесался и тоже зарычал.

Странный человек вытащил пистолет, прицелился в пса и крикнул:

— Бах! Бах!

Пёс зевнул и ответил:

— Гав! Гав!

Странный человек хотел выстрелить ещё раз, прицелился и крикнул:

— Гав!

И вдруг Былхвост начал пятиться всё быстрее и быстрее.

А дед не своим голосом закричал:

— Брысь! Брысь отсюда!

Странный человек испуганно оглянулся.

Выгнув спину дугой, на Былхвоста двигалось чудовище — чёрное, безухое, трёхное — бродячий кот Бандюга.

— Беги от него! Беги! — кричал дед.

Поджав остаток хвоста, жалобно взвизгнув, пёс юркнул в подворотню.

Бандюга гордо оглядывался по сторонам и облизывался, будто съел бедного пса целиком.

Странный человек в тёмных очках был свободен. Он показал язык сначала Бандюге, потом — деду, крикнул:

— Гутен так! — И убежал.

Жуткий случай. Иван в опасности

 ак вы, конечно, догадались, это был наш знакомый Иван Семёнов — самый несчастный человек на всём белом свете.

Игра началась. Теперь Ивану надо было спрятаться, да так, чтобы его не могли найти.

Между нами говоря, глупая игра. Сначала шпион прячется, его ищут. Но попробуй найди его, если он залезет на чердак или в сарай, или дома под кроватью уснёт! Вот когда ему, шпиону, самому надоест прятаться, тогда он выходит на улицу и ждёт не дождётся, что его поймают.

Так примерно случилось и с Иваном. Сидел он, сидел на чердаке, захотел есть до того, что начал грызть свой деревянный пистолет. Грыз, грыз — дуло отломилось. Пришлось пистолет выбросить. Иван решил сдаться в плен.

Только спустился он с чердака на лестничную площадку, как услышал голоса ребят.

— Вот это шпион, я понимаю! — кричал Колька Веткин.

Куда бы спрятаться?

Забраться обратно на чердак не так-то просто: лесенка до пола не доходила, обрывалась в воздухе.

Иван заметался. Вдруг он увидел, что дверь в квартиру № 16 приоткрыта. Иван прошмыгнул туда. Стоял он за дверью еле живой от страха, боялся дыхнуть. А ребята спорили: залезать на чердак или нет?

Иван не сдержался и вздохнул, нечаянно дёрнул плечом — и дверь защёлкнулась.

Сначала Иван испугался, потом обрадовался, потом опять испугался.

В квартире было тихо.

На лестничной площадке тоже: ребята ушли.

Иван попытался открыть дверь, но это ему не удалось: замок был непонятного устройства.

С горя Иван сел на пол и вытянул ноги. Придут хозяева — подумают, что он вор, и посадят его, беднягу, в тюрьму. Но не это самое страшное. Вдруг хозяева уехали куда-нибудь надолго, и Иван умрёт здесь с голоду?

А есть ему хотелось: кота Бандюгу бы сейчас съел — вот как!

Незаметно для самого себя Иван задремал. Во сне он увидел, что будто бы сидит в столовой и ест учебники. Они вкусные-вкусные. Особенно понравилась ему арифметика — с жареным луком и соусом. Как это раньше он не догадался учебники съесть?

Проснулся Иван от звука открываемого замка; стрелой пролетел в комнату и — под стол.

Чтобы зубы от страха не лязгали, Иван схватился за нижнюю челюсть руками.

В комнату вошли двое.

— Сразу начнём? — раздался мужской голос.

— Конечно, — ответил второй голос, — времени мало.

И вот что услышал Иван:

— Пистолет на стол! Так... Давно заброшены сюда?

— Два месяца назад.

— Сумели что-нибудь сделать?

— Пока нет.

«Шпионы!» — пронеслось в голове у Ивана.

Они долго ругались, потом ушли на кухню, и Иван уже не слышал, о чём они говорили. Страх почти исчез. Иван торопливо соображал, что ему делать. И сообразил. Он вылез из-под стола, схватил пистолет и спрятался за дверь. Тяжёлый пистолет оттягивал руку.

Двое вернулись в комнату.

— Хорошо закусили, — сказал один, — можно снова работать. Продолжаем. Итак, вы согласны выполнить это опасное задание?

— Готов.

— Учтите, что если вы будете схвачены советской разведкой...

— Живым я им не дамся.

Иван стал медленно поднимать руку с пистолетом. «Сосчитаю до семнадцати, — решил он, — и бабахну обоих!»

— Пойдите, — услышал он. — А где же... где же пистолет?

— На столе.

— Не вижу.

— Что за чудеса!

«Сосчитаю до тридцати двух, — решил Иван, — и обоих бабахну!»

Почему рассердился милиционер Егорушкин

 милиционере Егорушкине в посёлке вспоминали лишь тогда, когда надо было забрать хулигана или пьяного или поймать воришку.

Если всё в посёлке было спокойно, никто об Егорушкине и не вспоминал. Но только случится какой-нибудь неприятный случай, как все начинают ворчать:

— Куда это Егорушкин смотрит? За что деньги получает?

А он никогда не обижался на людскую несправедливость, потому что был умным человеком.

Казалось, что вывести его из себя нет никакой возможности. Разбушевавшихся хулиганов он усмирял с таким брезгливым и спокойным выражением лица, с каким мы снимаем муху с липучей бумаги.

И вдруг милиционер Егорушкин вышел из себя. Человек, который ночью гнался на мотоцикле за автомашиной (а в ней — трое вооружённых бандитов!), сегодня растерялся.

А рассердил его не кто иной, как наш дорогой Иван.

Чем же он его рассердил?

Больше всего на свете Егорушкин ненавидел лодырей: ведь именно из лодырей и вырастают жулики.

Конечно, не каждый лодырь становится жуликом, но каждый жулик — это лодырь.

Новая выходка Ивана — тёмные очки и «Бах! Бах!» — рассердила Егорушкина.

Но, поверьте мне, на этом бы дело и кончилось. Я давно знаю Егорушкина: он не умеет долго сердиться, особенно на мальчишек. Поворчит-поворчит, погрозит-погрозит, да и успокоится.

Так случилось бы и на этот раз.

Егорушкин пообедал, покурил и лёг на диван почитать газеты.

Но тут вернулась из магазина его жена и стала рассказывать, что с ней сегодня случилось.

Не дослушав рассказа, Егорушкин начал одеваться: ведь его жена была той самой продавщицей, в которую Иван бабахал.

— Уймите вы этого хулигана, — просила она.

— Ну, ладно, ладно... — сквозь зубы процедил Егорушкин. — Ты ещё у меня узнаешь, гутен так, шпindel! Получишь ты у меня, шпион несчастный! Я тебе, двоечнику, покажу!

И всё-таки я уверен, что и на этот бы раз Егорушкин простил Ивана.

Но Иван был несчастным человеком, и судьба снова столкнула его с милицией, да так, что Егорушкин даже кулаки сжал.

Руки ВВЕРХ! Стрелять буду!

И пионы, в квартире которых оказался Иван, перевернули вверх дном всю комнату в поисках пистолета.

«Сосчитаю до сорока трёх,— решил он,— и бабахну прямо сквозь дверь!»

А у самого колени трясутся, зуб на зуб не попадает. Одно дело — шпионов в кино смотреть, другое — живых встретить.

— Что же это такое? — спрашивал один из них. — Я отлично помню, что положил его вот сюда. Я же погибну без него. С меня голову снимут. Сколько раз меня предупреждали...

— Придётся сразу сознаться.

«Значит, сейчас они уйдут, — подумал Иван облегчённо, но сразу же озадаченно нахмурил лоб:— Они уйдут, а как же я подвиг совершать буду? Нетушки, нетушки, я должен героем стать!»

Иван ногой толкнул дверь, выбросил руку с пистолетом вперёд и крикнул:

— Руки вверх! Стрелять буду!

Перед ним стояли двое мужчин.

Один длинный и старый, другой — невысокий, помоложе.

Рука с пистолетом у Ивана дрожала.

— Стреляй, — сказал длинный и сел.

— Только целясь лучше, — посоветовал второй и тоже сел.

Иван нажал на спусковой крючок.

— Бах! Бах! — насмешливо сказал длинный.— Как ты сюда попал?

Иван понял, что дело его плохо, бросился в коридор, рванул дверь и... оказался в ванной комнате.

За его спиной скрипнула задвижка и раздался голос:

— Сиди, пока не придёт милиция.

Взглянув на ванну, Иван радостно подумал: «Утоплюсь!» Он запер дверь на крючок, отвинтил оба крана.

Полилась вода.

— Что ты делаешь? — раздалось за дверью. — Сейчас же открой!

Из одного крана била горячая струя, из другого — холодная. Иван обрадовался: ведь тонуть

в тёплой воде куда приятнее, чем в ледяной. Он начал раздеваться.

А за дверью кричали, она содрогалась от ударов. Иван снял всю одежду, кроме трусов, и залез в ванну. Едва он погрузился в тёплую воду, как сразу раздумал топиться. Дурак он, что ли? Вот сначала искупается, а там видно будет. Конечно, лучше, если он утонет. На похороны соберётся вся школа. Выйдет директор, заревёт и скажет:

— Спи спокойно, дорогой Иван Семёнов. Прости нас. Это мы виноваты в твоей смерти. Хотя ты и был лодырь, но человек ты был хороший. И зря мы тебя мучили. Зря не дали тебе уйти на пенсию...

— Сюда, пожалуйста, товарищ Егорушкин, — услышал Иван и похолодел в тёплой воде.

В дверь постучали.

Егорушкин сказал:

— Гражданин Семёнов, я требую, чтобы вы открыли дверь!

Тогда Иван вылез из ванной, осмотрелся и...

БЕССЛЕДНОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ИВАНА

У тобы вы не очень долго гадали, в чью квартиру попал Иван, я сам расскажу. Здесь жил актёр драматического театра. Со своим товарищем он репетировал сцену из новой пьесы о шпионах.

Милиционер Егорушкин сорвал дверь с крючка, вошёл в ванную комнату, осмотрелся и...

Ивана нигде не было. Лежала на полу его одежда, а сам он словно растворился в воздухе.

— Сейчас найдём, — спокойно сказал Егорушкин. Но спокойствие его было чисто внешнее, потому что, осмотрев ванную, он ничего не заметил, никаких следов, кроме лужицы на полу.

Егорушкин снова заглянул под ванну — пусто. Взглянул наверх, на смывной бачок. Пожал плечами. Вдруг все вздрогнули: где-то рядом раздался писк. Егорушкин резко нагнулся, заглянул за ванну и увидел голые пятки. Он схватил их, потянул.

— О-о-о-ой! — нечеловеческим голосом закричал Иван. — Голову оторвёте!

Тут Егорушкин сказал несколько слов, приводить которые я здесь не буду, так как убеждён, что они вырвались у него случайно. Больше я ни разу таких слов от Егорушкина не слышал, хотя мы бывали с ним в переделках куда опаснее, чем эта история.

Вытащить Ивана, застрявшего под прямым углом между ванной и стеной, удалось не сразу.

Ногами он ещё мог пошевелить кое-как, а голова была стиснута. Сначала Иван подвывал, потом скулил, а потом орал благим матом.

Егорушкин сбегал в домоуправление за водопроводчиками. Они отключили воду, развинтили трубы, отодвинули ванну и вытащили Ивана.

Тело его было в красных пятнах, в краске и извёстке. Говорить он не мог.

— Э-эх, — вздохнул Егорушкин, — такая огромная голова, а пустая. Придётся тебя, дорогой друг, в больницу, в сумасшедший дом.

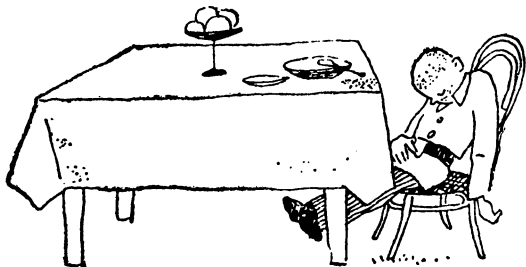
— Нетушки, — с трудом выговорил Иван. — Я нормальный. Я есть хочу. Здорово есть хочу.

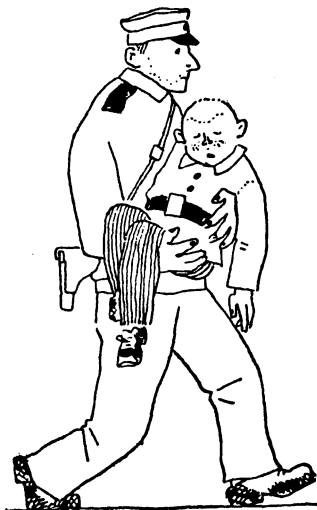
— Может, накормить его? — спросил один из актёров.

— Кормите, — разрешил Егорушкин, — только пусть оденется.

Иван съел полкилограмма колбасы, полбуханки хлеба, выпил четыре кружки чая и тут же, сидя, уснул. Даже нахрапывал. Устал, бедняга!

И чем, вы думаете, всё кончилось? Да тем, что Егорушкин отнёс Ивана к нему домой. На руках!

ГЛАВА № 3,
в которой впервые
появляется Адемида,
а Иван Семёнов
пытается
выдать себя за лунатика

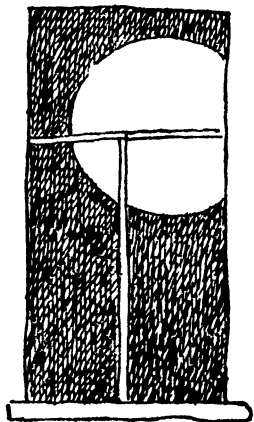

ИВАНУ ПРИХОДИТ В ГОЛОВУ МЫСЛЬ

Милиционер Егорушкин принёс Ивана к нему домой, сдал родителям и сказал:

— Получите вашего обормота. До того нахулиганился, что захрапел.

Иван, конечно, проснулся, но притворился, что спит. Он подождал, когда уйдёт Егорушкин, пока все в квартире уснут, тихонечко прокрался на кухню, поел и снова лёг.

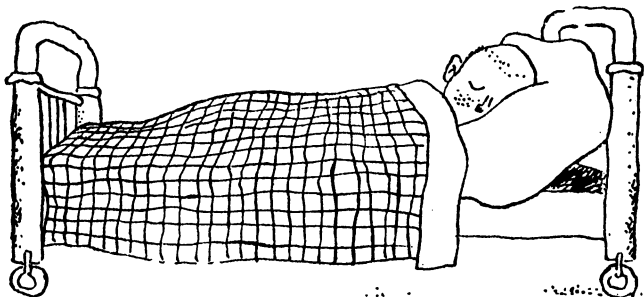

И раз мечтался. Вот если бы за один день выучить все учебники за все классы! А? Ух, было бы здорово! Прощай, дорогая школа! Сидит Иван на выпускном вечере в президиуме, в самом центре, а выпускают его одного, Ивана.

Директор говорит:

— Товарищи, мы собрались сюда для того, чтобы выпустить на свободу из школы нашего лучшего ученика, выдающегося человека нашего посёлка, гордость нашу — Ивана Семёнова. Всю жизнь ему

не везло. Надо честно сознаться, товарищи, что мы вели себя плохо. Не жалели мы Ивана. Мучили его, воспитывали, заставляли учиться, не заботились о его здоровье. Поэтому и был он самым несчастным человеком на всём белом свете. Но он

взял себя в руки и совершил небывалый подвиг — за один день окончил всю школу. Да здравствует Иван Семёнов! Ура!

Тут Иван сообразил, что ведь всё это показывают по телевидению, и крикнул:

— Ура-а!

Была ночь, и никто не услышал его крика.

В окно светила луна.

У Ивана сжалось сердце, когда он подумал: «А вдруг мне не удастся слетать на Луну? Вдруг какой-нибудь Колька Веткин окажется счастливым? Или Паша Воробьёв? И уж совсем будет обидно, если я останусь на Земле, а на Луну полетит малявка Алик Соловьёв!.. Нетушки! Я вас всех обскачу. С завтрашнего дня буду отличником — вот увидите. Ведь стоит мне только захотеть, и буду кем угодно!»

И опять размышлял Иван. Представьте себе: получает он сплошные пятёрки. Никто его больше не ругает, не воспитывает. Все смотрят на него с уважением. Идёт он по школе и слышит, как старшеклассники про него говорят:

— Это Иван Семёнов, знаменитый отличник. Заснул Иван крепко, сладко.

ИВАН БУДУТ ТАЩИТЬ НА БУКСИРЕ

Утром был разговор с отцом. (Ну и любят же поговорить эти взрослые! Нет чтоб просто сказать, что вёл ты себя плохо, обормот ты такой, — и всё!).

— Скоро кончишь дурака валять? — спросил отец.

— Скоро.

— А то ведь надоело с тобой нянчиться. Понял?

— Понял.

— Тебе хоть немного стыдно?

— Стыдно.

— Немного, средне или очень?

— Очень.

— Больше не будешь?

— Нет.

И ещё минут десять! Так и хочется сказать: «Да что я маленький, что ли? Не понимаю? Всё я прекрасно понимаю, но не везёт мне. Я бы рад себя хорошо вести, но не получается!»

Вышел Иван на кухню, а там мама спрашивает:

— Скоро кончишь дурака валять?

— Скоро.

— А то ведь надоело с тобой нянчиться. Понял?

— Понял.

— Тебе хоть немного стыдно?

— Стыдно.

— Немного, средне или очень?

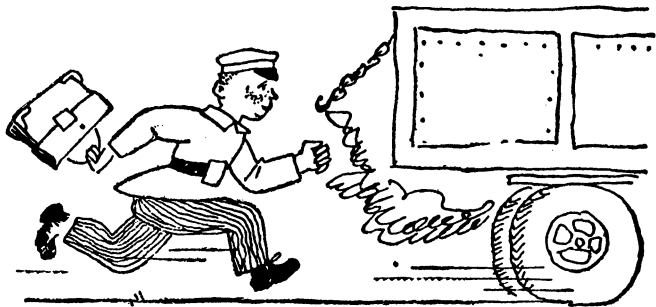
— Очень.

— Больше не будешь?

— Нет.

И ещё минут десять! И когда в кухне появилась бабушка, Иван затараторил:

— Скоро кончу валять дурака, потому что тебе надоело со мной нянчиться. Мне стыдно очень. Больше не буду.

— Ненаглядный ты мой! — воскликнула бабушка.

Выбежав на улицу, Иван, конечно, тут же забыл обо всём, даже о том, что с сегодняшнего дня решил стать отличником.

Для него идти по улице — всё равно что кино смотреть, а может, и ещё интересней.

Кошку на окошке увидел — «Мяу-мяу», — поздоровался.

Собака мимо бежала — «Гав-гав», — ей сказал. «Кар-кар!» — ворону передразнил.

Воробьёв стайку разогнал.

Взглядом проводил самолёт и погудел, как мотор.

Попробовал грузовик обогнать.

Девочке подножку подставил.

Все вывески прочитал и ещё складывал их, получалось интересно: «Баканом», «Гастролея»...

Около парикмахерской в зеркале соорудил себе шестьдесят четыре рожицы.

Две старушки беседовали — послушал.

Впереди лейтенант шёл — Иван за ним в ногу кварталов пять прошагал.

И вдруг вспомнил: школа!

Почесал затылок, скомандовал:

— В школу бегом — марш!

Только пятки замелькали. Бежал, бежал, запыхался. Остановился, огляделся и давай хохотать — не в ту ведь сторону бежал!

— Рядовой Семёнов, обратно шагом марш! Раз, два, левой! Раз, два, левой!

Кошку на окошке увидел — «Мяу-мяу», — поздоровался.

Попробовал грузовик обогнать.

Собака мимо бежала — «Гав-гав», — ей сказал.

Три старушки спорили — послушал.

Около парикмахерской в зеркале сам себе шестнадцать раз кулак показал.

И вдруг весело стало — поплясал немного.

Пришёл в школу усталый, еле дышит.

— Почему опять опоздал? — спрашивает Анна Антоновна. — Проспал?

— Нет.

— А что случилось?

— Ничего.

— Почему же опоздал?

— По улице шёл и... опоздал.

— Все по улице шли, а опоздал только ты. Почему?

— Не знаю.

— Не знаешь, — с укоризной сказала Анна Антоновна. — Тебе хоть немного стыдно?

— Стыдно, — Иван тяжело вздохнул. — Очень стыдно. Всем надоело со мной нянчиться. Я больше не буду.

— А мы тебе не верим! — крикнул Паша.

— Мы всем классом решили, что тебе нужен буксир, — сказала Анна Антоновна.

— Какой буксир? — удивился Иван.

— Который тебя тащить будет! — крикнул Колька.

— Куда тащить?

— Мы найдём для тебя самого лучшего ученика из четвёртых классов, — объяснила Анна Антоновна. — Он поможет тебе учиться.

— А я и без буксира могу, — с гордостью сказал Иван. — Я ещё вчера решил отличником стать.

Тут раздался такой хохот, что Иван тоже захохотал. И чем громче смеялись ребята, тем громче смеялся Иван.

« СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ »

Домой из школы Иван шёл один. Настроение у него испортилось. «Вот всегда так бывает, — размышлял он, — только соберёшься что-нибудь хорошее сделать — помешают. Буксир какой-то выдумали! Будто я сам не могу отличником стать. Ну, дело ваше... Вы этот буксир выдумали, вы и отвечать будете».

— Здорово живём, Семёнов! — окликнул его гревшийся на солнышке дед Голова Моя Персона. — Как жизнь шпионская?

Хотел Иван мимо пройти, но вспомнил, что дед мастер рассказывать разные истории, и присел рядом.

— Что хмурый такой? — продолжал спрашивать дед. — Двоечки мучают? У меня вот тоже беда. Можно сказать, несчастный случай. Надо нам с Былхвостом работу менять. Уж где только мы с ним ни работали, и отовсюду я из-за него уходил.

— А почему, дедушка?

— Друг он мой. Не важно, что пёс, а важно, что друг. Не могу я его бросить. А его отовсюду вежливо просят удалиться. Собачья у него жизнь! Характер у него уж больно невозможный. Вредный, я бы сказал. С виду пёс смиренный, засоня и лодырь. Но вдруг найдёт на него... ужас! Вот в кино-театре мы с ним работали. Красота! Днём сплю, вечером кино смотрю, ночью караулю. Так этот пёс, будь он неладен, вдруг решил тоже в кино ходить. Пролезет в зал, полсеанса сидит смирно, а потом — как начнёт лаять! Все с мест повскакают, крики, а он от криков совсем одуреет и под стульями носится... Ну, привяжу я его на верёвку, а он скулит, прощения просит. «Дай, — говорю, — честное слово, что больше не будешь». Он мордой кивает. Отвяжу его. И опять старая история. Пришлось нам другую работу искать. Приняли нас в аптеку. Тоже красота! А там ночью дежурная старушка сидела. Кому ночью лекарство потребуется, тот постучит, старушка и вынесет лекарство. Удобно. И кто это пса научил в окно стучать? Ума не приложу. Подойдёт он к окну и лапой стук-стук.

Старушка просыпается, бежит дверь открывать, а на крыльце Былхвост сидит. Улыбается, дурак. Терпела старушка, терпела и заявила начальству: «Или я, или пёс!..» Пошли мы новую работу искать. Вот в эту контору устроились...

— Ну и что, дедушка?

— Ох... Даже и говорить страшно. Думается мне, что Былхвост лунатиком сделался.

— Лунатиком? — оживился Иван. — Это как?

— А вот так. Ночь. Тьма кромешная. Бывало, друг мой храпит вовсю. Пока есть не захочет. А сейчас ни с того ни с сего встаёт и — пошёл! Прямо! А глаза закрыты! Спит! — в ужасе крикнул дед. — Стоя спит! На ходу спит! Лунатик! Вот какие дела, голова моя персона!

— Так пусть он себе гуляет, дедушка.

— А вдруг его на крышу потянет? Лунатики, говорят, даже по проводам ходят.

— А почему их лунатиками называют?

— Так ведь без луны лунатиков-то не бывает, — ответил дед. — Тут всё дело в луне. Она на них действует.

Ивану эта болезнь понравилась. Только не знал он: как ей заболеть?

Задумался.

«Вот это буксир!»

После звонка с последнего урока Анна Антоновна задержала весь класс.

— Сейчас придёт... — сказала она.

— Буксир! — крикнул Колька Веткин.

Приоткрылась дверь, и раздался голос:

— Можно?

— Входи, входи, — пригласила Анна Антоновна.

В класс вошла девочка.

— Буксир! — закричал Колька. — Вот это буксир, я понимаю! — и захохотал, будто Чарли Чаплина увидел.

Но больше никто не рассмеялся.

Ребята сидели притихшие, вытаращив глаза, стараясь не дышать. Всем стало не по себе.

Дело в том, что если бы эта девочка родилась мальчиком, то из неё (то есть из него) получился бы борец или боксёр самого тяжёлого веса. Эта четвероклассница ростом была как семиклассница, а может быть, и больше.

Звали её Аделаида.

Дочь крокодила

Стоял на улице киоск с вывеской «Мороженое». В киоске сидела тётя. Один зуб у тёти был не простой, а золотой. Когда на него попадал солнечный луч, зуб сверкал, как прожектор.

Ребята говорили, что раньше на месте этого зуба у тёти рос клык. Потом его кто-то выбил, и она вставила себе золото.

Конечно, к взрослым надо относиться с уважением. Взрослые — это, в общем, неплохие люди. Но у них есть один недостаток: они часто забывают, что в своё время сами были маленькими. Они забыли, например, что внутри каждого мальчишки вставлен моторчик. И этот моторчик вырабатывает так много энергии, что если мальчишка посидит спокойно больше, чем семнадцать минут, то может взорваться. Потому и приходится бегать сломя голову, драться, кусаться, обзываться — только бы не взорваться!

Бывают среди взрослых и плохие люди, даже очень плохие. Это я вам говорю по секрету, и вы меня уж, пожалуйста, не выдавайте. Подростёте — сами увидите, что я прав.

Сейчас же разговор идёт только о тёте с золотым зубом.

Паша Воробьёв назвал её однажды крокодилом.

— Какой же она крокодил? — удивился Колька Веткин. — Крокодил — это он. А она — это она.

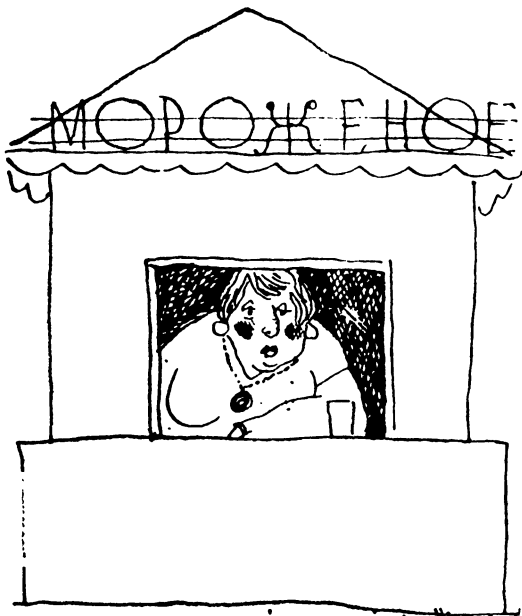
— Значит, крокодил женского рода, — заключил Паша.

Так тётю и стали звать.

Почему же к ней такое отношение?

Пропусту говоря, тётя эта была страшная злюка. Если бы разрешили есть людей, то она в первый же день съела бы человек пять.

Ох и злая была!

Мороженое стоит одиннадцать копеек, а вам дома дали двенадцать — гривенник и двоечку. Вы бегом к киоску.

— Дайте мороженку!

Глаза у тётки округляются, лицо наливается красной краской, и тётка кричит на весь посёлок нечеловеческим голосом:

— Нету сдачи!

И тут вы хоть головой об киоск бейтесь, мороженки вы не получите. Ни за что.

И даже если вы сбегаете в ближайший магазин, и разменяете деньги, и принесёте тётке ровно одиннадцать копеек, то не думайте, что мороженка у вас в руках. Как бы не так!

Вполне может случиться, что тётка в это время жуёт. И на все ваши просьбы она будет кричать нечеловеческим голосом:

— У меня обед! Все люди едят, а мне нельзя!? — и ещё кулаком погрозит.

А жевать она может долго. Скопится огромная очередь, а тётка жуёт и жуёт.

Наконец, всё съела. Так вы думаете, что получите мороженку? Вряд ли. Тётка крикнет:

— Пить захотела!

И сколько бы вы её ни просили продать вам мороженку, тётка будет кричать, поблескивая золотым зубом:

— Все люди пьют, а мне нельзя?! — и ещё кулаком погрозит.

И уйдёт на другой конец посёлка к другому киоску, где торгуют газированной водой. Пьёт тётка медленно и не меньше семи стаканов.

Я бы не стал о ней рассказывать, если бы у неё не было дочери по имени Аделаида.

СТРАШНОЕ УСЛОВИЕ

Вот кто она была, эта девочка, из которой получился бы боксёр или борец самого тяжёлого веса, если бы она родилась мальчиком.

И у неё тоже был золотой зуб, на том же месте,

что и у мамыши, и он тоже сверкал, как прожектор, когда на него попадал солнечный луч.

Итак, Колька крикнул:

— Вот это буксир, я понимаю! — и захохотал, будто Чарли Чаплина увидел.

Как вы помните, больше никто не рассмеялся.

Аделаида взглянула на Кольку и сказала:

— Плохо будет тому, кто обзовёт меня ещё хоть один раз.

И все поняли, что обзывать её опасно: это вам не малявка Алик Соловьёв.

— Который? — спросила Аделаида.

Все повернули головы в сторону Ивана.

— Я, — еле живой от стыда и страха, ответил он.

— Ну как? — спросила Анна Антоновна. — Согласна взять его на буксир?

— Согласна. Но с одним условием.

— Каким условием? — хором спросил класс.

— Чтобы он не жаловался, — ответила Аделаида.

Иван спросил тихо:

— А чего жаловаться-то?

— А я стукнуть могу, — объяснила Аделаида, и её золотой зуб сверкнул, как прожектор. — Характер у меня страшный. Разозлюсь и — стукну.

Тут Иван совсем растерялся и проговорил:

— Я бы тоже тебе стукнул, но с девчонками драться нельзя.

— Правильно, — согласилась Аделаида, — потому что они слабее. А со мной можно. Я сильная. Но предупреждаю: драться со мной очень опасно.

— Почему? — хором спросил класс.

— Я силы рассчитывать не умею, — сказала Аделаида, — так стукнуть могу... — она тяжело вздохнула.

— Как? — опять спросил класс.

— А так... — Аделаида показала свой большущий кулак. — Видите? Раз и — вызывайте скорую помощь.

Класс притих.

И никто не заметил, как улыбается Анна Антоновна.

— Я не согласен, — дрожащим голосом пробормотал Иван. — Это что же получается? Буксир обязан тащить, а не бить.

— А я и не собираюсь тебя бить, — сказала Аделаида. — Если ты меня слушаться будешь, зачем мне тебя бить?

— Значит, договорились, — сказала Анна Антоновна.

ИВАН ВЫДАЕТ СЕБЯ ЗА ЛУНАТИКА

Впереди, боязливо втянув голову в плечи, шёл Иван. За ним широко и тяжело шагала Аделаида. А на некотором от неё расстоянии стайкой семенили ребята.

Вдруг Иван резко остановился, обернулся и радостно закричал:

— Больной ведь я!

Подошли ребята. Аделаида спросила:

— Чем ты болен?

— Лунатик я, — гордо ответил Иван. — Ночами-то я не сплю. По крышам гуляю, по столбам прыгаю, по проводам хожу. Устану, не выплусь — какая тут может быть учёба?

Ребята смотрели на него с уважением.

— А почему не лечишься? — спросил Колька.

— Лечусь, да ничего не помогает.

— А не врёшь? — спросила Аделаида.

— Можете проверить, — ответил Иван, — пожалуйста, в любую ночь выходите и смотрите.

Ребята восторженно загалдели.

— Тише, мелюзга! — прикрикнула Аделаида. — Проверим лунатика. Когда по крышам ходишь?

— Ну... часов так с одиннадцати до... до самого утра! Иногда вы уже в школу идёте, а я всё ещё по крышам скок-скок.

— А где?

— А везде. Сначала на нашу крышу вылезаю. Потом прыг-прыг до клуба. Потом по проводам, по столбам!

— И не падаешь?

— Могу и упасть. Тогда уж смерть, — Иван подмигнул притихшим ребятам. — Очень серьёзная болезнь.

— Вот это болезнь, я понимаю! — с завистью прошептал Колька. — А как тебе удалось заболеть?

— Не помню.

— А если тебя верёвками на ночь связывать? — спросил Паша.

— Пробовали. Но я любую верёвку раз и — пошёл дальше.

— А цепью?

— То же самое получается.

— Ладно, ладно, — грозно проговорила Аделаида, сверкнув золотым зубом. — Всю ночь буду за тобой смотреть. И если ты наврал... — она погрозила большущим кулаком.

— Пожалуйста, смотри, проверяй сколько тебе угодно, — храбрился Иван. — Но учти: болезнь заразная. Тут один за мной подглядывал, так теперь

ночами вместе со мной по крышам скачет. Понятно?

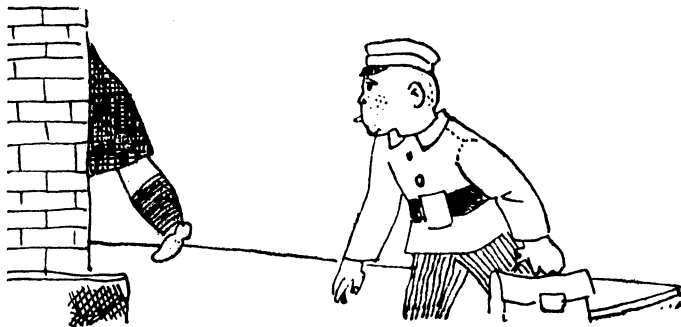
— Никаких болезней я не боюсь, — спокойно произнесла Аделаида. — Я очень здоровая.

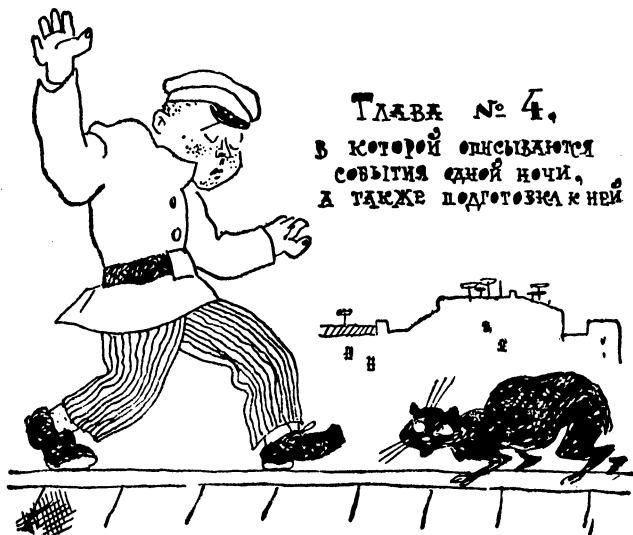
— Моё дело предупредить, — упавшим голосом пробормотал Иван.

— А моё дело... — Аделаида опять погрозила ему своим большущим кулаком.

И когда она скрылась за углом, Иван сквозь зубы процедил:

— Как бы я тебя на буксир не взял, крокодильская ты дочь!

ГЛАВА № 4,
в которой описываются
события одной ночи,
а также подготовка к ней

ЛУНАТИК ТРЕНИРУЕТСЯ И ЧУДОМ СПАСАЕТСЯ ОТ ГИБЕЛИ

Исли вы думаете, что Иван очень уж трусил, то ошибаетесь. Конечно, ему было не по себе; конечно, он побаивался, но отступить не собирался.

Он сидел на крыше и размышлял: «Жалко, если навернись головой вниз. Реветь все будут, сто раз пожалеют, что такого человека погубили.

Судить ведь всех будут! Ну ладно, так и быть — постараюсь не упасть. Придётся для этого потренироваться».

Сказано — сделано: Иван начал тренировку. Он пошёл по гребню крыши. Страшно. Дом трёхэтажный, не очень и высоко, а коленки трясутся.

Но если решил стать лунатиком — вперёд!

Балансируя руками, Иван осторожно переставлял ноги. Глаза у него были закрыты — как будто бы кругом ночь.

Вдруг он услышал глухой хриплый рёв, и в ноги ему ударилось что-то тяжёлое и упругое.

Иван полетел вниз, на мгновение открыл глаза — навстречу ему стремительно опрокидывалась земля. Всё перевернулось. Он зажмурился.

Иван катился вниз по крыше, руками нащупывая, за что бы зацепиться.

Пальцы его вцепились в водосточный жёлоб.

Руки от усилий онемели. Он не мог ими пошевелить. Ногами он шевелить боялся: казалось, что одно движение — и он соскользнёт с крыши.

И даже лежать неподвижно и то было страшно.

«Да-а, — пронеслось в голове, — ещё бы немного, и одним будущим отличником стало бы меньше».

Поднявшись на четвереньки, он вернулся на гребень крыши и сел. И тут-то он увидел виновника своего падения, которое едва не кончилось гибелью, — кота Бандюгу.

Кот сидел на трубе и ехидно улыбался.

— Дурак! — крикнул Иван. — Ты соображаешь или нет?

— Ма-а, — ответил Бандюга.

— Ма-а, — передразнил Иван. — Балбес! Был бы у тебя хвост, я бы тебя за него и — выбросил!

Бандюга показал ему язык, отвернулся и помахал обрубком хвоста.

«И вдруг он меня ночью так же? — испуганно Подумал Иван. — Тогда — всё. Надо поймать его и спрятать».

— Бандюжечка, миленький, — ласково позвал Иван. — Бандитик мой дорогой. Ну иди сюда, разбойничек.

— Ма-а, — ответил кот, даже не посмотрев в его сторону.

— Золотой мой, бесхвостенький, иди сюда!

Но недаром кота звали Бандюгой: хорошего к себе отношения он не принимал.

— Иди сюда, а то получишь, бесхвостая твоя натура! — закричал Иван, и тогда кот подошёл.

Загремела крыша и загудела, когда Иван бросился на Бандюгу и придавил его к железу.

— Ма-а-а-а-а-а-а!

— Два-а-а-а-а-а-а!

Куда же его спрятать?

Поединок на чердаке

 правиться с этим ужасным котом не было никакой возможности. Он орал, будто раненый тигр, кусался и царапался. Иван тоже орал, но не кусался и не царапался. До того оба устали, что умолкли.

— Дурак ты, — тяжело дыша, сказал Иван. — Чего ты? Я тебя накормлю, бай-бай уложу, а сам лунатить пойду.

Бандюга закрыл глаза и утих. Но Иван знал его подлый характер и рук не разжимал. Так они и сидели на чердаке, пока не отдыхали.

Казалось, Бандюга совсем успокоился, но едва Иван поднялся, как кот снова обезумел. Опять он орал, кусался и царапался.

И — вырвался!

С победным рёвом кот ринулся вниз, в отверстие, к которому была приставлена лестница.

По дороге он сбил с ног маленькую девочку. Иван девочки не заметил, запнулся об неё и кувырком полетел, считая головой ступеньки.

Стук!

Стук!

Стук!

Стук!

Другой бы на его месте тут же умер. Но Иван столько раз в жизни падал и ударялся о твёрдые предметы, что для него подобный полёт — ерунда. Встал он, шмыгнул носом, почесал ушибленные места и побежал дальше.

Бегал он за Бандюгой до позднего вечера, вернулся домой еле живой от усталости, поел хорошенько и лёг отдохнуть.

Впереди была трудная ночь...

ЛУНА БЫЛА БОЛЬШАЯ И ЛЯКАЯ

Иредстояло сложное дело: надо было улечься спать, в двенадцать часов незаметно выскользнуть из квартиры и так же незаметно вернуться. Особенно трудно было сделать это Аделаиде. Мамаша её до смерти боялась жуликов. Поэтому во дворе на здоровенной цепи сидел здоровенный пёс, а на двери было три висячих и четыре врезных замка, две щеколды да ещё цепочка.

Окна закрывались ставнями, а ставни — замками.

Но Аделаида твёрдо решила сбежать.

А как выскользнуть из дома, в котором даже окна закрываются на замки?

Мамаша Аделаиды в этот вечер так ругалась с покупателями, что еле дошла до дома, хриплым голосом попросила пить, выпила семь стаканов квасу и легла. И сразу заснула.

Около двенадцати часов ночи Аделаида уже была в условленном месте — на скамейке под огромной липой напротив клуба. Сюда пришли ещё трое: Паша Воробьёв, Колька Веткин и — совершенно неожиданно! — Алик Соловьёв.

— Мама с папой уехали в дом отдыха, — сказал он, — я остался с бабушкой. А бабушку я легко пер-хитрил.

А Паша и Колька придумали так: соврали, что будто бы ночуют друг у друга.

— Смотреть в оба! — приказала Аделаида, и в лунном свете золотой зуб её поблескивал.

Луна была большая и яркая. Смотрели, смотрели на пустые крыши, заскучали.

— А это правда, что ты его бить будешь? — спросил Алик.

— А это от него зависит, — ответила Аделаида.

Мимо прошёл дед Голова Моя Персона с Был-хвостом.

— Отведу я тебя, дурака, в больницу, — до-неслось до ребят, — там тебе дадут жизни. Взвоешь. Пожа-леешь, что не слу-шался меня.

Вот уже и прохо-
жих не было.

Ни одного огонь-
ка не светилось в ок-
нах.

Алик уснул сидя
и во сне сладко при-
чмокивал губами.
Клевал носом Коль-
ка. Паша толкал его
в бок, чтобы самому
не задремать.

Сияла огромная
луна, будто дразни-
ла незадачливых наблюдателей.

— Лунатик несчастный, — прошептала Аделаи-
да, — получишь ты у меня...

Пашка жалобно протянул:

— Я спать хочу.

— Сахара, сахара, сахара! — во сне крикнул
Алик.

— А шоколада не хочешь? — рассердилась Аде-
лаида. — Скоро пойдём по домам.

— По каким домам? — чуть не плача, спросил
Паша. — Я ведь у него ночую, — он показал на
Кольку. — А он у меня. А мы оба на улице.

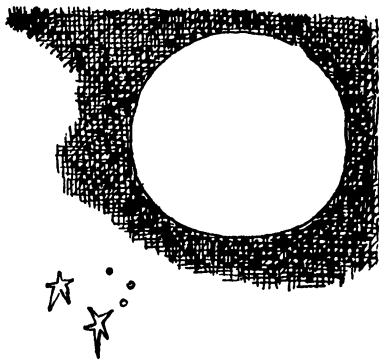
— Пер-станьте! — во сне крикнул Алик, вско-
чил, побежал, упал и заревел что было сил.

Колька спросонья тоже закричал:

— Лампочки держите!

А Паша с испуга запел:

— Не кочегары мы, не плотники!

И тут Аделаида доказала, что если бы она родилась мальчиком, то стала бы боксёром или борцом. Она стукнула Кольку по затылку и приказала:

— Цыц!

Она схватила Алика за шиворот, поставила на ноги и приказала:

— Цыц!

Паша с перепугу приказал сам себе:

— Цыц! — и замер, вытянув руки по швам, пятки вместе, носки врозь.

— То-то, — сказала Аделаида, — мелюзга несчастная. Пойдёте ночевать к Алику.

— Бабушка утром пер-пугается.

— Ничего. Марш домой!

— А ты? — спросил Колька.

— Буду продолжать наблюдение.

Ребята ушли.

Луна-то была. А никакого лунатика не было.

Ну и ночка !

Иван в это время спал самым, как сказал бы Алик, пер-спокойным образом. А спал Иван потому, что устал. А устал Иван потому, что за Бандюгой гонялся. А гонялся он за Бандюгой потому, что хотел его спрятать. А спрятать его он хотел потому, что Бандюга мог помешать ему лунатить... Устал Иван, лёг отдохнуть да и уснул до утра.

Аделаида знала, что никакой он не лунатик и что вообще всё это выдумки.

Спорить же с Иваном бесполезно: он кого угодно переговорит и наврёт столько, что не разберёшь.

Его надо было уличить.

Поэтому она и сидела на скамейке под огромной липой.

Очень хотелось спать. Глаза сами собой закрывались.

Вдруг она вздрогнула и едва не вскрикнула.

Прямо на неё шёл пёс. Поймите, не просто шёл, а прямо на неё.

Аделаида не шевелилась.

Пёс ткнулся влажным носом в её колени и замер с закрытыми глазами.

Из-за угла клуба появились две фигуры и направились прямо к Аделаиде.

Впереди шагал милиционер Егорушкин, за ним вприпрыжку торопился дед Голова Моя Персона.

«Попалась! — пронеслось в голове у Аделаиды. — Теперь мне попадёт! Да ещё как!»

— Вон он, лунатик! — обрадованно закричал дед. — Былхвост!

— А это что за особа? — удивлённо спросил Егорушкин, направляя луч электрического фонарика на девочку. — Ты что здесь делаешь?

— Лунатика караулю.

— Какого ещё лунатика?

И Аделаида рассказала о том, как её попросили взять Ивана Семёнова на буксир и что из этого вышло.

— Эх, сколь лунатиков-то развелось! — воскликнул дед.

Откуда-то донеслись не то крики, не то плач... Все прислушались.

— За мной! — приказал Егорушкин.

Выбежав за угол, они увидели Пашу, Кольку и Алика, которые брели по улице и ревели.

Увидев милиционера, ребята умолкли.

Оказалось, что Аликова бабушка была глухой, и они не могли ни достучаться, ни позвониться.

— Ну и ночка! — сказал Егорушкин. — Придётся всех вас за нарушение общественного порядка отвести в отделение.

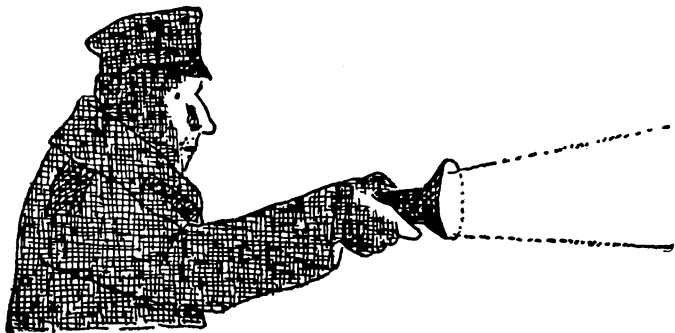
— Не надо-о-о-о!

— А что мне с вами делать прикажете?

— Иван во всём виноват, — прохныкал Колька, — из-за него...

— Виновата я, — сказала Аделаида.

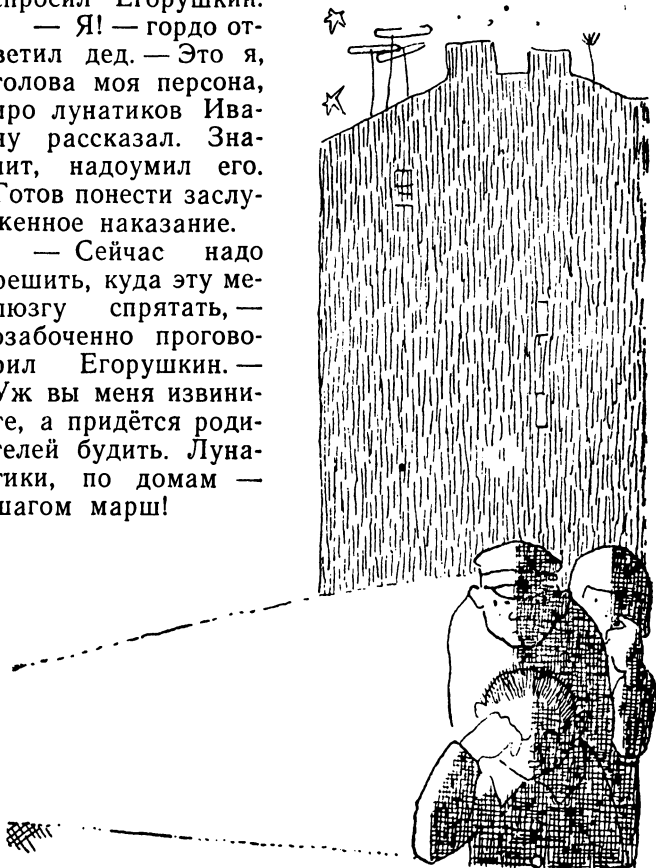
— Граждане! — воскликнул дед. — Спросите меня, кто виноват, отвечу. Спрашивайте!

— Кто виноват? — спросил Егорушкин.

— Я! — гордо ответил дед. — Это я, голова моя персона, про лунатиков Ивану рассказал. Значит, надоумил его. Готов понести заслуженное наказание.

— Сейчас надо решить, куда эту мелюзгу спрятать, — озабоченно проговорил Егорушкин. — Уж вы меня извините, а придётся родителей будить. Лунатики, по домам — шагом марш!

Утром

Утром Иван пришёл в школу чуть ли не первым. Вернее, не пришёл, а прибежал.

Он струсил. Очень. Даже стыдился немного. Он понимал, что теперь никто ему не поверит, сколько он ни сочиняй про свою болезнь. Невезучий он человек — что поделаешь? Не нарочно же он проспал!

— Вчера я себя прекрасно чувствовал, — сказал он, увидев Аделаиду и ребят, — пилюль много съел. Помогло. Всю ночь спал. А вы?

— А мы ночью дежурили, — ответила Аделаида, — с товарищем Егорушкиным. Врун ты и хвастун. После уроков останешься — начнём!

У Ивана мороз по коже пробежал.

Глава № 5,

ПИСАТЬ КОТОРУЮ АВТОРУ
ОЧЕНЬ НЕ ХОТЕЛОСЬ, ПОТОМУ
ЧТО В НЕЙ ИВАН СЕМЁНОВ
СНОВА СОВЕРШАЕТ РЯД ПЛОХИХ
ПОСТУПКОВ, НАЧИНАЕТ ДРАКУ
С АДЕЛАИДОЙ, ТЕРПИТ ПО-
РАЖЕНИЕ И ... ВЫСТУПАЕТ
ПО ТЕЛЕВИЗОРУ

АДЕЛАИДА ПЕРВАЯ НАНОСИТ УДАР

После уроков Аделаида поймала Ивана уже во дворе школы и за руку привела обратно в класс.

— Не могу я сейчас заниматься, — жалобно сказал Иван, — есть я хочу. Когда я голодный, то могу в любой момент — хлоп на пол.

— А если поешь?

— Тогда всё в порядке. Могу хоть целый час заниматься.

Аделаида достала из портфеля свёрток, развернула — шесть бутербродов с маслом и колбасой.

«Ух ты, крокодильская дочь! — подумал Иван. — Вот свалилась на мою голову!»

— Ешь, — грозно проговорила Аделаида, — лодырь несчастный. Лунатик заспанный.

— А ты паровоз бесколёсный.

— А ты... — но она сдержалась, иначе бы они разругались, и предложила: — Ешь на здоровье.

Чего-чего, а есть Иван умел.

И если бы за это умение давали звания, то Иван был бы примерно подполковником.

Так что бутерброды он уничтожил быстренько.

— Наелся?

— Ни капельки. Придётся домой идти.

— Сначала выучишь уроки.

— Не могу.

— Можешь.

Иван почувствовал, что сердце его замирает от страха, но проговорил громко и отчаянно:

— Не могу!

Аделаида крикнула:

— Можешь!

И — трах! — кулаком по столу.

Понимал Иван, что если сейчас отступит, то потом будет ещё труднее. И, закрыв от страха глаза, он крикнул:

— Не желаю!

Тишина. Иван открыл один глаз и у самого носа увидел большущий кулак.

— Последний раз предупреждаю, — сквозь зубы произнесла Аделаида, — если ты сейчас же не станешь учить уроки, я за себя не отвечаю. Так стукну, что живым отсюда не уйдёшь!

— Ой-ой! — вскрикнул Иван и дёрнулся всем телом. — Ох-ох, — и снова дёрнулся, ещё сильнее. — Ух-ух! — и объяснил: — Началось. Сейчас меня часа три дёргать будет. — Ох-ох!

— Бух! — крикнула Аделаида и нанесла ему здоровенной силы удар по шее.

Иван стукнулся о стену так, что задребезжали стёкла в окне. Он лежал на полу и думал: «Ну что, крокодилова дочь? Попало тебе? Испугалась? Не знаешь, что и делать? А я лежу себе на здоровье».

— Ну как? — спросила Аделаида. — Живой?

— Живой-то, живой, — ответил Иван, — но голова совершенно не работает. Что-то в ней треснуло.

— Склеим потом. Вставай.

— Не могу.

Взяла его Аделаида за шиворот, подняла, спросила:

— Ещё стукнуть?

Иван подумал и ответил:

— По-моему, не надо.

— Я тоже так считаю. Садись. Давай тетради, учебники, ручку. Что по арифметике задали?

— Вот этого я не помню.

— Зато я помню. Упражнение сорок третье. Приготовились. Начали.

«И откуда ты свалилась на мою голову? — с тоской подумал Иван. — Хоть бы ты заболела, что ли! А если Егорушкину на неё пожаловаться? Так, мол, и так, товарищ милиционер, избили. В голове трещина. Судить таких надо!»

— Ты же совсем не слушаешь! — рассердилась Аделаида. — А ну, слушай!

«Слушаю, слушаю, — насмешливо думал Иван. — Вот вызовут тебя в милицию, послушаешь». А вслух сказал:

— Не забыть бы мне сегодня в милицию зайти. Акт составить об избиении. Ответать тебе придётся.

— За что?

— Так ведь... покалечила.

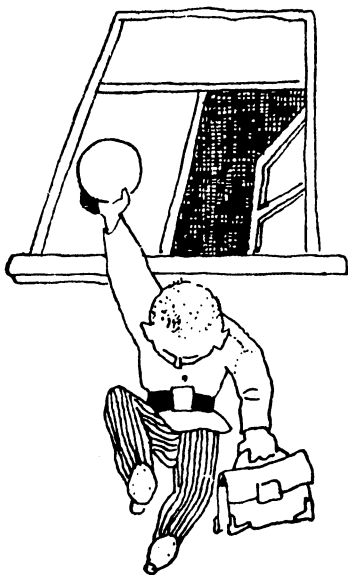
— Ваня! — сказала Аделаида. — Хватит! Ведь перед всем классом договорились, что жаловаться ты не будешь.

— А я не жаловаться. Чего мне жаловаться? Просто милиция должна о всех хулиганах знать.

— Встань! — командовала Аделаида.

Иван встал.

— Вот что, — она положила ему на плечо свою тяжёлую руку. —

Хватит. Мальчик ты не глупый. Выдумывать умеешь здорово. Ну чего ты? Скоро кончишь дурака валять?

— Скоро.

— А то ведь всем надоест с тобой нянчиться.

Понял?

— Понял.

— Тебе хоть немного стыдно?

— Стыдно.

— Немного, средне или очень?

— Очень.

— Больше не будешь?

— Не буду! Не буду! Не буду! — крикнул Иван, расхохотался, бросился к окну и — прыг!

Погоня. Снова на краю гибели

глядываясь через плечо, Иван видел, что Аделаида бежит за ним ровно, словно не торопясь.

— Куда? Куда? — спросил его сидевший на окне Колька.

И хотя Иван не ответил, Колька спрыгнул с окошка и помчался следом, на ходу спрашивая:

— А куда? А зачем?

Иван молчал: ему было трудно дышать.

Скоро к ним присоединился Паша.

— Куда? — спросил он, пристраиваясь за Колькой.

— Понятия не имею, — ответил тот.

— Вы куда? — спросил Алики и, не дожидаясь ответа, бросился следом.

Улица кончилась, и они выбежали в поле.

Иван обливался потом.

— Не могу больше! — крикнул Алик и остановился.

— Я тоже! — крикнул Паша и тоже остановился.

— Хватит тебе! — крикнул Колька. — Отдохни!

Тут Иван споткнулся и плашмя упал в пыль на дорогу. Упал и не встал. Лежал, вытянув руки, и не шевелился. Ему было всё равно. Пусть грузовик его давит, пусть лошадь с телегой через него переезжает!

И даже когда подошла Аделаида, он не пошевелился.

— Вставай, — сказала она, — хватит лежать. Полежал и хватит. Ну?

— Не нукай, — ответил Иван. — Видишь, я еле живой. Ноги совершенно отнялись.

— А если машина?

— Пусть.

— Подождём, — сказала Аделаида и села в стороне.

Подошли ребята и тоже сели.

— Долго лежать будешь? — спросил Паша.

— Сколько надо, столько и буду, — ответил Иван и вздрогнул — впереди по дороге пылила машина.

— Пер-едет тебя! — крикнул Алик.

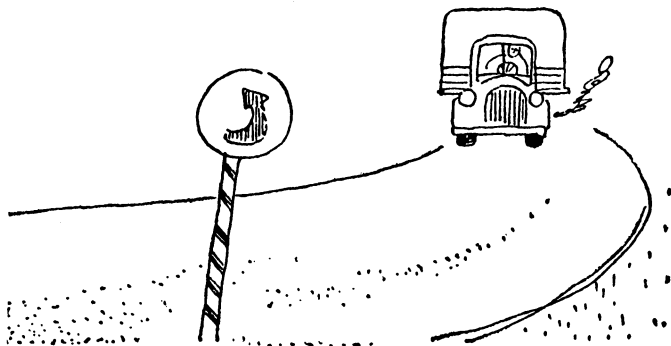
— Задавит! — крикнул Паша.

— Лепёшка из тебя получится! — крикнул Колька.

Иван закусил губу, чтобы зубы не стучали от страха, но не двигался.

— Машине не объехать, — спокойно сказала Аделаида, — по обеим сторонам канавы.

— Да что нам с ним делать?! — закричал Паша.

Они с Колькой бросились к Ивану, схватили его за ноги и уволокли с дороги в канаву.

Машина промчалась мимо.

— Ты что, сумасшедший? — спросил Колька. — Не соображаешь?

— Не сумасшедший он, — сказала Аделаида, — а лодырь, каких свет не видывал. Лодырь из лодырей. Готов в пыли лежать, только бы уроки не учить. Но учти, — повысила она голос, — я заставлю тебя учить уроки.

— Как бы не так, — ответил из канавы Иван. — А я виноват, что я лодырь? Такой уж я родился.

— Вруша ты. Всё выдумываешь, выдумываешь. А вот кем ты вырастешь?

— Кем захочу, тем и вырасту, — Иван тяжело вздохнул. — Я, между прочим, и без тебя отличником могу быть. Если захочу.

— Я не понимаю, — сказал Колька, — ты собираешься вставать или нет? Или мы тут до утра сидеть будем?

— А мне-то что? — Иван вылез из канавы и сел. — Я лично могу хоть до утра.

— Нет, — глухо проговорила Аделаида. — Сейчас мы пойдём готовить уроки.

У Ивана внутри всё похолодело. Он вскочил.

— Чего тебе от меня надо? — заикаясь от возмущения, спросил он. — Чего ты ко мне пристала? Чего ты надо мной издеваешься? Чего ты меня бьёшь? В милицию захотела?

— Напрасно ты кипятишься, — спокойно ответила Аделаида. — Я вовсе не собиралась тебя бить. Ты сам виноват.

— Я?! Сам?! Виноват?! — поразился Иван. — В чём же это я виноват — интересно мне знать! Я просил тебя сваливаться на мою голову?

— Меня просила Анна Антоновна и весь ваш класс.

— Но я-то не просил!

— А что с тобой делать? — Паша вскочил. — Ведь ты можешь и на третий год во втором классе остаться. Вот позор-то! Вот безобразие-то!

— Идём готовить уроки, — твёрдо произнесла Аделаида.

— Ты его бить будешь? — шёпотом спросил Алик.

— Постараюсь не бить, — ответила Аделаида. — Чего с ним драться? Слабенький он.

— Слабенький?! Я?! — у Ивана от возмущения кулаки сжались сами собой. — Да ты понимаешь, что ты говоришь?!

— Не кричи, — сказала Аделаида, — успокойся. Тебя по-хорошему просят: идём учить уроки. И через час ты свободен.

Иван молчал.

Коварный замысел Ивана

 адно! — Иван махнул рукой и весело сказал: — Вперёд, товарищи! Пошли.

Впереди скакал неожиданно повеселевший Иван, с него летела пыль.

За ним, как милиционер за жуликом, готовая в любой момент схватить его, шагала мрачная Аделаида.

На некотором от неё расстоянии стойкой семенили ребята.

«Сбегу! Сбегу! Сбегу! — думал Иван. — Не дам над собой издеваться. Нашлась какая! Крокодиловская ты доченька — вот ты кто!»

— Только не вздумай сбежать, — сказала Аделаида. — Всё равно поймаю.

До самой школы никто больше не сказал ни слова...

Остановились у подъезда. Лица у ребят были испуганными.

— А вдруг он опять? — спросил Алик Аделаиду.

Она пожала плечами, но золотой зуб её сверкнул, как прожектор.

— Ваня, — позвал Алик, — ты это... ну... не надо...

— Конечно, не надо, — добавил Паша.

— Уговариваете? — рассердился Колька. — Как маленького? Деточка, выучи уроки? Конфеточку дам? Баю-бай, баю-бай, Ваню маленького бай?

И тут произошло неожиданное: Иван промолчал. Он даже не взглянул на Кольку. Он обдумывал коварный план избавления от Аделаиды.

— Ты не сердись, — пробормотал растерявшийся Колька. — Иди ты, выучи ты эти уроки.

— Ладно! — весело ответил Иван, подмигнул ребятам и стал подниматься по ступенькам.

Следом двинулась Аделаида.

— Пер-дерутся, — прошептал Алик.

ИВАН ВСТУПАЕТ В ДРАКУ

 ни вошли в класс.
— Садись, — сказала Аделаида, — очень прошу тебя: садись.

Иван, ухмыляясь во весь рот, сел, собрал учебники и тетради, сложил их в портфель.

— Ты что?! — Аделаида шагнула к нему, но Иван выскочил из-за парты и бросился к окну. — Опять?!

— О-пять! — крикнул Иван. — Очень тебя прошу: отстань. Хуже будет.

— Даю тебе честное пионерское, — громко проговорила Аделаида, — что я от тебя не отстану. Ни за что. Я обязана помочь тебе.

— Обязана, обязана, — передразнил Иван. — Зато я не обязан. Привет, привет — и наших нет!

И — прыг в окно!

Тут же за ним выпрыгнула и Аделаида.

С трудом устояв на ногах, она схватила Ивана за руку. Сколько он ни пытался вырвать руку — не мог.

Ребята хохотали во всё горло.

Тогда Иван совершил, пожалуй, самый ужасный поступок за свою многотрудную жизнь.

Не зная, как вырваться, он укусил Аделаиду за руку.

Аделаида вскрикнула, но руки не выпустила. Тогда Иван цапнул её во второй раз, и посильнее. Затем он бросился головой вперёд, чтобы боднуть Аделаиду в плечо.

А она выпустила его руку и легко отскочила в сторону.

Иван полетел вверх тормашками.

— Наших бьют! — крикнул Колька, но не двинулся с места.

Бедный Иван лежал на земле лицом вниз. От обиды и бессильной злости ему хотелось расплакаться.

— Предлагаю мир, — сказала Аделаида, — идём учить уроки.

— Да согласись ты! — крикнул Паша.

«Притворюсь мёртвым, — решил Иван, — пусть попрыгают. Сто раз пожалеют, что издевались над хорошим человеком. Главное, чтобы крокодилова дочь от меня отвязалась. С остальными я справлюсь... Почему же они молчат?»

Медленно повернув голову, Иван посмотрел через плечо — никого вокруг не было.

Обиделся Иван. Бросили человека лежать на земле. Друзья называется! А потом ещё удивляются, почему он часто болеет.

— Ура-а-а! — вдруг крикнул Иван, сел, встал на голову, поболтал в воздухе ногами и вскочил. Ведь если они ушли, то, значит, сдалась крокодилова доченька, отстала! Значит, победил Иван Семёнов!

— Домой шагом марш! — скомандовал он сам себе, подпрыгнул, гоготнул и зашагал.

ПЕРВАЯ НЕОЖИДАННОСТЬ

 тебя ждут, — такими словами встретила его дома бабушка.

Иван заглянул в комнату и чуть в обморок не упал.

За столом сидела Аделаида.

— Проходи, — сказала она, — не стесняйся. Будь как дома.

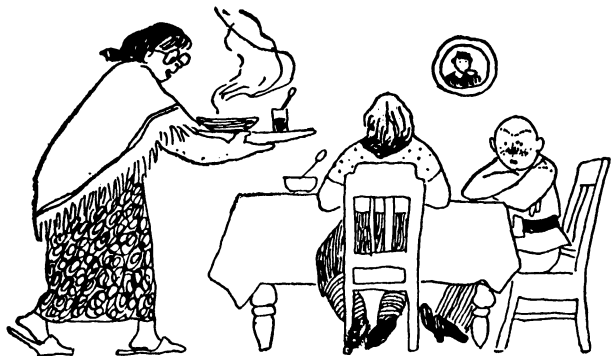
— Проголодался, бедненький? — спросила бабушка. — Сейчас я вас кормить буду.

— Ты зачем пришла? — прошептал Иван. — Чего тебе надо?

— Если ты не будешь учить уроки, — ответила Аделаида, — я всё расскажу твоим родителям. И про буксир, и про это, — она показала руку, на которой были два красных пятнышка.

— Рассказывай сколько хочешь, — Иван естественно рассмеялся. — Я им тоже про тебя расскажу. И про то, как ты мне голову расколола, и про всё.

— Договорились.

Бабушка кормила их вкусно и долго. Иван столько съел, что еле дышал.

— Ты бы, девочка, шла погуляла, — сказала бабушка, — а Ванечке отдохнуть надо. Полежать. Он у нас слабенький здоровьем.

— Уроки ему учить надо, а не отдыхать.

— Выучит, выучит, успеет. Самое главное — здоровье. О нём надо заботиться. Иди, иди, девочка.

— Погуляй, — ухмыляясь, добавил Иван, — подыши свежим воздухом.

— Хорошо, — Аделаида встала, — я пойду дышать свежим воздухом. А через час вернусь. Будешь делать уроки.

— Вот и правильно, — согласилась бабушка, — часа через два. А лучше — через два с половиной. Главное — вовремя поспать.

Ох, и похохотал Иван, когда Аделаида ушла. Молодец бабушка — не даст внука в обиду.

Вторая неожиданность

И о почему-то не спалось, и настроение было очень неважное. Иван подошёл к окну и увидел...

Аделаиду!!!

Она сидела на скамейке. Ивана она не видела, и он погрозил ей кулаком, показал язык, и снова лёг.

Если она будет тут сидеть, то ему незамеченным из дому не выйти. Что же придумать?

И хотя Иван считал себя невезучим человеком, на самом деле ему часто везло.

Послушайте, что было дальше, и вы убедитесь в этом.

В дверь заглянула бабушка, позвала:

— Ванечка! Не спишь? Тут тебя дядечка какой-то спрашивает. Говорит, что ты сообразительный.

Иван выбежал в коридор.

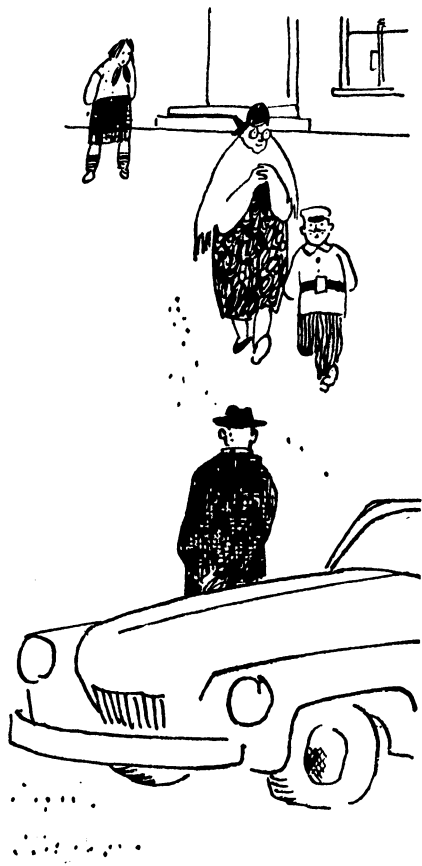
— Не узнаёшь меня? — спросил его высокий дяденька и снял шляпу. — Не помнишь?

— Узнал! Помню! — радостно ответил Иван. — Это я у вас... — и прикусил язык. — Вы артист, который шпионов играет.

— Правильно, — дяденька улыбнулся. — Ты ни разу не выступал по телевидению?

— Нет. А что? — у Ивана дух захватило.

— Через два часа передача, — ответил дяденька, внимательно разглядывая Ивана, — а мальчик,

который в ней участвует, неожиданно заболел — охрип. Мне только что позвонили из студии и попросили кого-нибудь подыскать для выступления. И я вспомнил о тебе. По-моему, мальчик ты сообразительный, находчивый. Думаю, что у тебя получится.

— Конечно, получится, — сказала бабушка. — Он у нас артист. Кого хочешь передразнит.

— Ты ведь во втором классе? — спросил дяденька. — Но это неважно. Ростом ты за четвероклассника сойдёшь. Никто и не догадается, что ты всего во втором. Так поехали репетировать?

— Поехали!—радостно воскликнула бабушка.— Сейчас я ему новую рубашку дам, чтоб он красивым был.

И представьте себе такую картину: у подъезда стоит голубая «Волга». Дяденька-артист распахивает дверцу, Иван садится на переднее сиденье рядом с шофёром и говорит подбежавшей Аделаиде:

— Еду выступать по телевидению! Привет!

И машина отъезжает.

ТРЕТЬЯ НЕОЖИДАННОСТЬ

Если вас когда-нибудь пригласят выступать по телевидению, не вздумайте одеваться тепло.

Жара в студии страшная!

На вас направляют огромные лампы, от которых идёт свет и жар. Дышать нечем. Такое впечатление, словно вас накрыли горячей сковородкой.

Иван репетировал с Антоном Сергеевичем (так звали актёра) целый час.

Интересно до чего!

Антон Сергеевич играл роль учителя, а Иван — роль ученика. Он быстро выучил текст наизусть и произносил его без запинки.

И вот началась передача. Сидит Иван за столом с Антоном Сергеевичем, а на них направлены пушки — телевизионные камеры.

— Многие ребята, — говорит Иван, — считают, что учиться можно не то чтобы плохо, а так —

средне. Они считают, что можно и без учебы стать, например, космонавтом. Эти ребята очень ошибаются. Первый долг школьника — отличная учёба.

Все вокруг улыбаются, кивают: дескать, молодец Иван Семёнов!

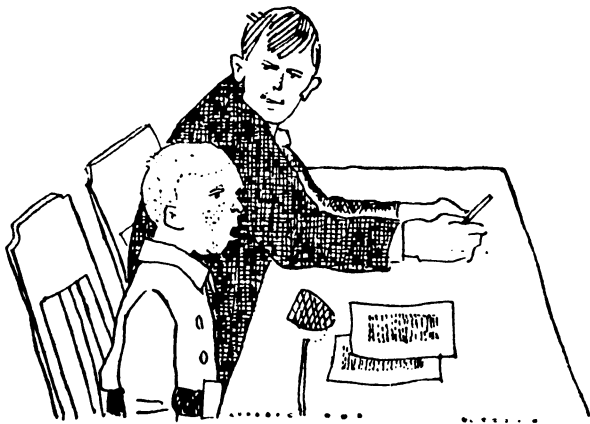
И он тоже улыбается: дескать, сам знаю, что молодец.

Но вдруг у него в горле словно сухой комок образовался — мешает говорить.

Испугался Иван. Стал глазами по сторонам водить, будто спрашивал: что это такое со мной творится?

И начал он спотыкаться чуть ли не на каждом слове:

— Все мы... мы... мечтаем о подвигах... Всем нам... нам всем... хочется стать героями. Но кое-кто... то есть кто-кое... нет, кое-кто из нас...

— Кое-кто из ребят считает, что героем можно стать случайно? — спросил Антон Сергеевич, чтобы выручить Ивана. — А кто, по-твоему, может совершить подвиг?

— Тот, кто... кто тот... ну... у кого есть воля силы...

— Сила воли? — переспросил Антон Сергеевич.

— Да. И ещё... кто умеет бороться с этими... ну...

— Трудностями?

— Да, — унылым тоном ответил Иван.

— А лодырь может героем стать?

Иван отрицательно покачал головой.

Очень он расстроился, хотя все его поздравляли, хвалили, утешали и нисколько не ругали, что в конце передачи он растерялся и забыл текст.

Опять он сидел в голубой «Волге» на переднем сиденье рядом с шофёром. Но было ему грустно. И ещё он чувствовал себя виноватым. Скажут ребята:

— Лодырь, двоечник, а за кого себя выдавал? Напинать ему, чтоб знал!

Иван вышел из машины, боязливо оглядываясь по сторонам, словно кто-то мог его подкараулить. И юркнул в подъезд.

Неприятный разговор

Аверь открыла бабушка, звонко чмокнула внука в обе щеки, сказала:

— Молодец ты мой ненаглядный! Настоящий артист!

— Иди-ка, артист, сюда! — позвал отец.

Иван, тяжело вздохнув, прошёл в комнату.

— Может, он сначала поест? — обиженно спросила бабушка. — Устал ведь он, намучился.

— Поесть он всегда успеет, — ответил отец. — Садись, сын, потолкуем. Ну как? Доволен?

— Нет, — буркнул Иван.

— Почему? Ведь вся область тебя видела и слышала. Вот, думали все, вот это парень! Не только сам хорошо учится, но и других по телевизору учит!

Кстати, отец Ивана учился хорошо — в вечернем техникуме, а днём работал (тоже хорошо) на машиностроительном заводе токарем.

И мама Ивана тоже училась — в библиотечном техникуме, и тоже вечером, а днём работала в библиотеке.

— Все учатся, — сказала однажды бабушка, — я только неучёная. Но ничего — тоже вот на курсы какие-нибудь поступлю.

И поступила — на курсы кройки и шитья.

Хуже всех в семье учился Иван.

— Маленький ещё, — объясняла бабушка, — подрастёт, поумнеет и начнёт учиться.

Вот и сегодня отец отчитывал Ивана, а бабушка стояла в коридоре и громко вздыхала.

— Когда в следующий раз выступать будешь? — спросил отец.

— Не буду я больше, — пробормотал Иван, — не имею права.

Бабушка на посту

Иван сидел на окне и со страхом ждал прихода Аделаиды: ведь она обещала поговорить с его родителями и обо всём им рассказать.

Но если вы решили, что Иван растерялся и не знал, что делать, то ошибаетесь. Ему в голову

пришла замечательная мысль... Он — бегом к бабушке и пожаловался ей.

— Буксир? — возмутилась бабушка. — Я ей покажу буксир! Иди, внучек мой ненаглядный, спокойно отдыхай. А если она сюда заявится, я ей... кое-что скажу. Иди, иди, родименький, отдыхай.

То, что бабушка называла отдыхом, а ребята называли бегать, на самом деле было тяжёлой работой. После такого отдыха домой ребята возвращались, высунув язык. Рукой пошевелить не могли.

Однако на этот раз Иван не бегал. Он всё время поглядывал, не появилась ли во дворе Аделаида. То и дело приходили ребята из других домов и расспрашивали его о выступлении по телевидению.

Как Ивану хотелось похвастаться и приврать! Рты бы разинули от зависти и удивления!

Но, кажется, впервые в жизни Иван не врал, и ребята уходили разочарованными.

На крыльце с вязаньем в руках сидела бабушка. Иван знал, что если бы даже сам директор школы захотел сейчас пожаловаться на него родителям, бабушка бы его не пустила. Больше всего на свете она любила внука и за него была готова в бой.

И когда во дворе появилась Аделаида, Иван нисколько не испугался, спрятался и издали наблюдал.

Бабушка встала. Вид у неё был воинственный. «Сейчас она тебе! — торжествующе подумал Иван. — Крокодиловская ты дочь!»

Он даже зажал рот ладонью, чтобы не расхохотаться: до того воинственный вид был у бабушки. Конечно, драться она не собиралась (бабушкам это не разрешается), однако он не хотел бы сейчас быть на месте Аделаиды.

Но что произошло дальше, никто не ожидал — ни Иван, ни бабушка.

ГЛАВА № 6,

В КОТОРОЙ БАБУШКА
НЕОЖИДАННО СТАНОВИТСЯ
ОДНИМ ИЗ ГЛАВНЫХ
ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ,
А ИВАН СЕМЁНОВ СОВЕРША-
ЕТ ГЕРОИЧЕСКИЙ
ПОСТУПОК

АДЕЛАИДА ВЫЯСНЯЕТ ОБСТАНОВКУ

Добрый вечер, — сказала Аделаида и улыбнулась.

— Добрый вечер, — сквозь зубы проговорила бабушка, — не знаю, как тебя звать-величать.

— Меня зовут Аделаидой.

— Бывает.

Помолчали, внимательно разглядывая друг друга.

— А где ваш внук? Бегает?

— Не твоё дело.

Опять помолчали, продолжая внимательно разглядывать друг друга, словно собираясь бороться.

— А уроки он сделал? — спросила Аделаида.

— А ты кто такая? — спросила бабушка. — Чего тебе тут надо? Зачем пришла? Думаешь, он без тебя с учёбой не справится? Я у него буксир, а не ты. Видела, как он по телевизору выступал?

— Видела, видела! — радостно воскликнула Аделаида. — Замечательно выступал!

— Как настоящий артист, — бабушка посмотрела на неё недоверчиво. — Просто удивительно.

— Ничего удивительного нет, — осторожно возразила Аделаида, — ведь он очень способный. Только у него один недостаток и...

— Нет у него недостатков! — грозно перебила бабушка.

— Один маленький недостаток.

— Нет!

— Малюсенький недостаточек. Совсем малюсенький.

— Может быть, — нахмурившись, согласилась бабушка. — Поспать он любит.

— Не в этом беда. Пусть себе спит сколько ему угодно. Плохо то, что очень уж он добрый.

— Это как понимать? — насторожилась бабушка.

— А вот мы решили помочь ему учиться, — стала объяснять Аделаида. — Другой бы на его месте сразу бы согласился: помогайте, пожалуйста, тратьте на меня силы и время! Правда? А он не такой. Ему неудобно беспокоить людей. Он добрый. Вот он от меня и бежит.

— Золотце ты моё! — бабушка всплеснула руками. — Ненаглядная ты моя! Идём, я тебя, милая, вареньем накормлю. Оно у меня восьми сортов: клубничное, земляничное, малиновое, брусника с яблоками, крыжовник...

Бабушка и Аделаида вошли в подъезд.

«Что делать? — испуганно подумал Иван. — Враг проник в мой дом. Что делать?»

В голове проносилось решение за решением. А если убежать в другой город? Поступить на работу, стать в вечерней школе отличником, потом — знаменитым человеком?

«Пусть без меня живут, — думал Иван, — пусть скучают, пусть слёзки льют».

Он так живо представил себе эту грустную картину, что сам чуть не разревелся.

«Нет, нельзя уезжать, — решил он, — жалко всех. Да и поймают. Сядет Егорушкин на свой мотоцикл и догонит». Иван пошёл домой.

На кухне бабушка и Аделаида пили чай. Весь стол был уставлен банками с вареньем.

— А мы уже по третьему стаканчику! — сообщила бабушка. — Налить тебе?

Сидел Иван, без всякого удовольствия пил чай стакан за стаканом, ждал, когда Аделаида заговорит о буксире и прочем, ёрзал на табуретке.

А они разговари-
вали о варенье.

«Нарочно это
она!—думал Иван.—
Любит людей му-
чить. Но я сбегу!
Пусть только заик-
нётся!»

Допили чай, унес-
ли в кладовку банки.

— Можно ему
проводить меня? —
спросила Аделаида.

— Конечно, ко-
нечно, — согласи-
лась бабушка. — Он
у меня такой вежли-
вый, такой вежли-
вый! Иди, иди, Ва-
нечка...

У

Иван был согла-
сен на любой
позор, даже на то,
чтобы его дразнили
женихом, лишь бы
увести Аделаиду из
дому.

Они вышли на
улицу.

Бабушка долго махала им вслед рукой. Аделаида оборачивалась и махала ей в ответ.

— Хорошая у тебя бабушка, — сказала она, — только балует тебя очень.

— Зачем приходила?

— Выяснить обстановку.

— Какую обстановку?

— Узнать, в каких условиях ты живёшь, — объяснила Аделаида, — как тебя воспитывают.

— Ну и что выяснила?

— Всё. Теперь я знаю, что ты бабушкин сынок. Нянчится она с тобой. Придётся тебе её с собой в армию брать. Ты ведь даже сам просыпаться не можешь.

— Врёшь! — неуверенным голосом крикнул Иван.

— Не вру. Это я бабушке немножко наврала. Из-за тебя. А сейчас я говорю правду. По телевизору ты выступил ужасно. Я краснела. Стыдно было. Очень стыдно.

— Без тебя знаю, — буркнул Иван. Краешком глаза он поглядывал по сторонам: не видит ли кто-нибудь из ребят, что он гуляет с девочкой?

— В результате, — продолжала она, — я сделала важное открытие. Я поняла, что ты, может быть, УО.

— УО? — переспросил Иван. — А это что такое?

— УО — значит: умственно отсталый.

— Чего, чего? — почти крикнул Иван.

— Ты умственно отсталый ребёнок. Тебя надо перевести в специальную школу.

Иван остановился, вытаращив глаза, и долго с его губ срывались не слова, а какие-то непонятные звуки. Еле-еле овладев собой, он спросил:

— В специальную школу?

— Конечно,— спокойно отозвалась Аделаида.— Тебе же будет лучше. Всё будет в порядке. Ведь почему с тобой мучаются? Потому, что считают тебя нормальным. А ты умственно отсталый.

— Неправда! — жалобно крикнул Иван. — Я умный! Я умственно умный!

— Не кричи. Подумай обо всём спокойно. Вот тебе задание: или ты выучишь сегодня уроки, или завтра я сообщаю всем, что ты УО. До свиданья.

И ушла.

ОЧЕНЬ ГРУСТНОЕ ЗАНЯТИЕ

- К крокодильская ты дочь! — вслед ей прошептал Иван. — В зоопарк тебя посадить надо! В клетку! За решётку! Тухлой капустой тебя кормить надо!

Аделаида издали помахала ему рукой.

— Сама ты УО, — шептал Иван, — это тебя в крокодильскую школу послать надо!

Долго он стоял на одном месте. Было ему до того грустно, что хоть плачь. Он даже кулаками помахал немного от злости. Ногами потопал.

И побрёл домой, опустив большую голову.

Кажется, впервые он призадумался над своей жизнью. А когда ты совершил немало проступков, занятие это очень грустное.

Вместо того чтобы по привычке всех ругать, а себя жалеть, он прошептал:

— Бабушкин сынок... УО... умственно отсталый... специальная школа... А почему? Потому что не люблю учиться? Ну и что? Если я таким и родился? Вот если бы я не мог учиться, тогда другое дело. А я могу, но не люблю. Ведь мне ничего не стоит быть отличником. Стоит только захотеть.

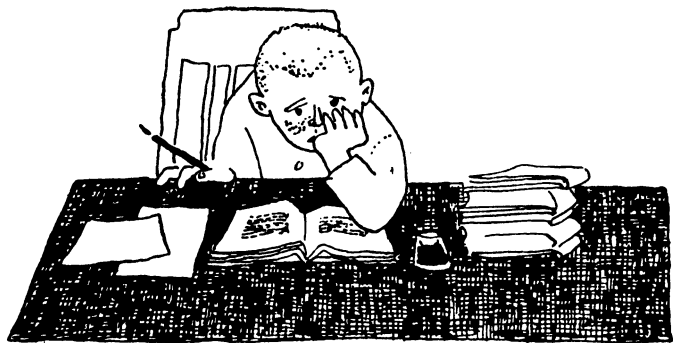
Обидно-то как! Дураком бы обозвала, лодырем, двоечником, ещё как-нибудь, а то — УО, умственно отсталый.

Эти слова звенели у него в ушах. Он даже головой потряс, чтобы они вылетели, — не помогло.

Очень грустное это занятие — думать о своей жизни.

Дома Иван сел на кухне и молчал.

— Что с тобой? — обеспокоенно спрашивала бабушка. — Заболел? Намыкался? Ложись-ка спать, ненаглядненький.

А Иван представил себе, что придёт он завтра в школу, уроки опять не приготовлены, опять его ругать будут, явится Аделаида, крикнет:

— УО!

Соберётся общешкольная линейка, и все хором крикнут:

— УО! УО! УО!

Анна Антоновна скамандует:

— Семёнов, в специальную школу вон отсюда!

А у подъезда стоит машина скорой помощи. Посадят в неё Ивана и увезут...

— Я уроки делать буду, — почти со слезами прошептал Иван. — Пожалей меня, бабушка!

— Жалею, золотце ты моё, жалею! Была бы моя воля, я бы вовсе уроки запретила в младших классах. Пусть старшие мучаются. Хочешь курочки?

— Нет, — со вздохом отказался Иван. — Буду уроки учить. Потом уж поем. «Если жив останусь», — мысленно добавил он.

Ну что ж... Сел Иван, достал из портфеля тетрадки, учебники, ручку. Вздыхнул.

Притопала лень-матушка, зашептала на ухо: «Устал ведь ты, миленький. Приляг, отдохни. Я тебе песенку спою, сказку расскажу».

«Ладно, — ответил ей Иван, — лягу. С удовольствием. А завтра что? Опять всё сначала? Да ещё в специальную школу отправят? Нетушки! Совершу-ка я сегодня героический поступок — сделаю-ка я уроки!»

И лень-матушка обратно утопала.

Героический поступок

Иван трудился, высунув язык; исписал половину страницы — не сделал ни одной ошибки, не поставил ни одной кляксы. И только хотел крикнуть «ура», как...

...с носа упала капелька пота.

Упала прямо в центр буквы «О». Хорошо, что он не поленился и написал её вроде колеса — большую и круглую.

Иван осторожно поднёс к ней кончик промокашки, и промокашка выпила каплю.

«Я тебе покажу, какой я умственно отсталый! — подумал Иван, вспомнив Аделаиду. — Как бы тебя в специальную школу не отправили!»

Закончив упражнение по русскому языку, он принялся за арифметику.

Тут у него начался с цифрами самый настоящий бой. Цифры прыгали у Ивана перед глазами, как лягушки. Не было никакой возможности отличить их друг от друга.

Тогда он представил, что цифры — его враги, и стал внимательно их выслеживать.

«Понятно, — решил он, глядя на ненавистные цифры, — вы тоже считаете, что я умственно отсталый. Сейчас разберёмся».

И поднатужился, и — решил первый пример.

Ручку кусал, пыхтел от злости, один раз даже порывал Иван, но трудился.

Всё было против него. Особенно — чернила. Они так и старались собраться на кончике пера в кап-

лю и — хлоп на тетрадный лист. Однако Иван следил за этим так внимательно, что ухитрился одну каплю схватить в воздухе левой рукой.

Вот тут-то упрямство впервые помогло ему.

И вдруг несчастье! Глупая муха залезла в чернильницу, Иван проткнул муху пером, не заметил и написал мухой цифру «3». Вот что получилось...

Чуть не заревел Иван. Трахнул муху кулаком — брызги во все стороны.

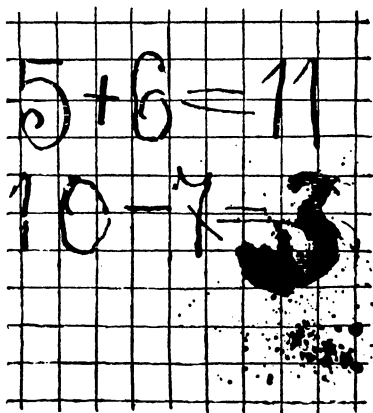
«Не обращай внимания на умышленно отсталых мух, — прошептала ему на ухо лень-матушка, — иди спать».

«Вырви страницу, — прошептало упрямство, — и всё перепиши заново».

«Устал ведь я, — жалобно ответил Иван, — сил моих больше нет!».

«Правильно, правильно, — прошептала лень-матушка, — иди бай-бай. Я тебе песенку спою, сказку расскажу».

«Неужели ты сдашься из-за какой-то дохлой мухи?!» — удивилось упрямство.

Иван осторожно вырвал забрызганный лист и начал переписывать примеры.

До того он увлёкся, что не слышал, как подошла бабушка, стояла рядом и громко вздыхала, будто внуку уколы делали.

БАБУШКА ВЗБУНТОВАЛАСЬ

Утром Ивана будила бабушка. На это она тратила целый час.

А сегодня он проснулся сам. Честное слово! Сам открыл глаза, сам потянулся и сам сел.

Настроение у него было замечательное, будто не в школу надо собираться, а на новогоднюю ёлку.

Раз! — встал на голову, подрыгал в воздухе ногами и грохнулся с кровати на пол — словно самая большая кастрюля упала с самой верхней полки.

Лежал на полу и хохотал. Лежал, пока не замерз.

Пошёл Иван на кухню, включил электрическую плитку, поставил на неё чайник. быстренько умылся, принёс из кладовки варенье и решил разбудить бабушку.

Открыв глаза и увидев внука, она испуганно вскрикнула. Если бы она верила в бога, то перекрестилась бы.

— Это ты?! — еле выговорила она.

— Я. А что?

— Да как же... кто это тебя разбудил?

— Никто. Сам.

— Сам?!

— А что особенного?—обиделся Иван.— Что особенного?

Бабушка не ответила. Потом она вышла на кухню и в ужасе спросила:

— И чайник сам поставил?! И варенье сам принёс?! — Она села, бессильно опустив руки, словно убитая большим горем. — Да что же это такое происходит? Совсем от рук отбился. Против бабушки пошёл. Получается, что я тебе не нужна? Не выйдет! — Она стукнула кулаком по столу. — Бабушка я тебе или не бабушка?

— Бабушка, — ответил ошеломлённый Иван.

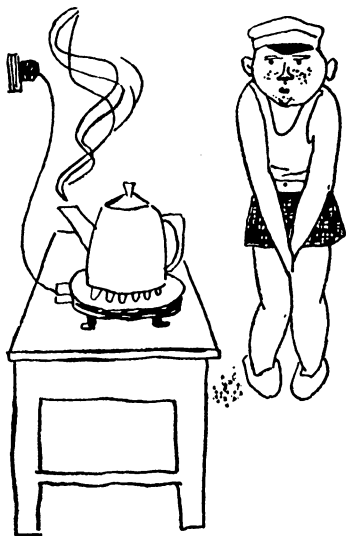
— Обязан ты меня слушаться или нет?

— Обязан.

— Так вот, — бабушка встала и грозно посмотрела на него. — Я должна просыпаться и будить тебя, а не ты меня. Я должна завтрак готовить, а не ты. Понятно? Я здесь командир.

— Кем же ты командуешь? — удивился Иван.

— Всей семьёй.

— А кто же тебя слушается?

— А вся семья.

— Бабушка! — воскликнул Иван. — Но ведь я-то тебя не слушаюсь!

— Как—не слушаешься?— удивилась бабушка.

— Да так. Я потому и люблю тебя, что тебя можно не слушаться.

— А не врёшь?

— Нисколечко. Ты меня слушаешься, а не я тебя. Поэтому мы и живём дружно.

— Ну и пусть,— помолчав, сказала бабушка. — Не важно, кто кем командует, важно, что дружба есть. Но дружбе нашей скоро придёт конец, если ты будешь вести себя, как сегодня. Не хорошо, Ваня, стыдно!

Иван взбунтовался

Почему стыдно? — спросил Иван. — Что я такого сделал?

— Как—что?! — вспылила бабушка. — Да я же тебе объяснила! Не имеешь ты права выполнять мои обязанности! Бабушка я тебе или не бабушка?

— А я внук тебе или не внук?

— Ты внук. А я бабушка. И не лезь в мои дела. Будь любезен спать до тех пор, пока я тебя не разбужу.

— А если я сам проснусь?

— Не имеешь права!

— А если проснулся?

— Всё равно спи. Или просто лежи, пока я не приду. Если ты сам просыпаться будешь, зачем я тогда нужна? Если ты сам завтрак готовить будешь, мне что делать?

— Отдыхать.

— Отдыхать?! — возмутилась бабушка. — За кого ты меня принимаешь? Чтобы я да на старости лет бездельничала?!

— А ты меня за кого принимаешь?! — возмутился Иван. — Чтобы я да на молодости лет бездельничал?! Ты знаешь, как интересно самому просыпаться? Замечательно! Ты что, собираешься со мной в армию идти? И там меня станешь будить? А? Может, по-твоему, каждый солдат со своей бабушкой в армию придёт?

Тут бабушка горько расплакалась.

— Ни в какую я армию не собираюсь, — сквозь слёзы сказала она. — Но учти: пользы от нас в армии было бы много!

А Иван расхохотался.

— Бабушки! — скомандовал он. — По порядку номеров рассчитайсь! Бабушки, вперёд шагом марш! Песню!.. Да ты хоть одну строевую песню знаешь?

— Знать не знаю и знать не желаю! А только в армии без меня ты пропадёшь! Ты ведь даже ботинки толком зашнуровать не умеешь.

— А в армии сапоги носят! У них шнуровки нет!

— Пожалеешь, — бабушка снова горько расплакалась. — Я ли тебя не любила? Я ли за тобой не ухаживала? Я ли тебя не баловала? А ты?

— Эх ты, рёва, — сказал Иван ласково, — а ещё в армию собираешься.

— Я не рёва, — сквозь слёзы ответила бабушка, — просто я тебя люблю, а ты меня нет.

— И я тебя люблю. Только я с тобой не согласен.

— Когда любят, соглашаются!

— Не могу я с тобой согласиться, — твёрдо сказал Иван. — Ты что, хочешь, чтобы меня бабушкиным сыном дразнили?

— Хочу! — горячо призналась бабушка. — Очень!

— Значит, тебе меня несколько не жалко.

— А ты меня жалеешь? Ты меня и за бабушку не считаешь.

— Считаю. Ты замечательная бабушка. Только есть у тебя один недостаток.

— Нет у меня недостатков!

— Один. Маленький.

— Может быть, — подумав, нерешительно согласилась бабушка, — но я не знаю, какой. Не замечала.

— Ты не даёшь мне нормально жить.

— Я?!

— Ты, бабушка. Только ты не сердись и не плачь. Держи себя в руках. Надо мне просыпаться самому.

— А давай по очереди? — обрадованно предложила бабушка. — Один раз я тебя разбуду, а один раз ты, может, сам проснёшься?

— Нет, — отказался Иван. — Не хочу я быть умственно отсталым.

— Не понимаю, — испуганно прошептала бабушка, — кто от кого отстал?

— А я понимаю. Если бы я вчера не выучил уроки, то сегодня меня, как миленького, бы в специальную школу отправили.

— Вот! — радостно воскликнула бабушка. — Вот что значит просыпаться самому! Соображать плохо стал! Ещё будешь с бабушкой спорить?

— Буду, — тихо, но решительно ответил Иван. — Приходится. Я ещё, может быть, отличником сделаюсь. Ненадолго, конечно. Чтобы всем доказать, что я не умственно отсталый.

Бабушка легла на кровать и сказала:

— Спасибо. Можешь вызывать скорую помощь,

ГЛАВА № 7,

В которой бабушка снова
пытается быть одним
из главных действующих
лиц, а Иван Семёнов
совершает несколько
выдающихся
поступков

ИВАН ДЕЛАЕТ ВАЖНОЕ ОТКРЫТИЕ

Бабушке дали валерьянки, уложили в постель. Скорую помощь вызывать не стали. Сказала бабушка:

— Никому я, значит, не нужна. Пустое я, значит, место. Или вроде старой сковородки. Выбрасывайте.

Тут все стали её утешать, уговаривать, успокаивать. А она твердит своё:

— Надоела я всем. Мешаю я всем. Только и думаете, как бы от меня избавиться.

Тут её опять все стали утешать, уговаривать, успокаивать.

Бабушка лежала с закрытыми глазами и тихонько постанывала.

— Я в школу, — сказал Иван. Но она даже не посмотрела на него.

Утро было серое и дождливое. Иван весело прыгал через лужи. Правда, редкую лужу ему удавалось перепрыгнуть, чаще обеими ногами он попадал прямо в воду.

Устал прыгать, пошёл по тротуару.

Кошку на окошке увидел — отвернулся.

Собака мимо бежала — не обратил на неё внимания.

Вывески не читал.

Около парикмахерской в зеркале состроил себе всего одну рожицу.

В школу торопился Иван — ещё как торопился!

А почему?

Да потому, что никого он сегодня не боялся.

Ребят не боялся.

Анны Антоновны не боялся.

Даже Аделаиды не боялся.

Да почему?

Да потому, что уроки-то он выучил! Пожалуйста, проверяйте! Сколько угодно! Вопросы задавайте, спрашивайте!

Идёт Иван, подпрыгивает. До чего, оказывается, приятно в школу шагать, когда уроки приготовлены!

Неудача

Когда Иван подходил к школе, настроение у него немного испортилось. Он вспомнил, что предстоит разговор с Аделаидой. «Но ничего, — подумал он, — выкрутимся!»

И опять ему стало весело.

— Доброе утро! — услышал он за спиной голос Аделаиды.

Иван обернулся, сказал:

— Между прочим, у меня уроки сделаны.

— Да ну? Сам?

— Своими собственными руками, — гордо ответил Иван. — Даже стихотворение выучил. Теперь никто не скажет, что я УО.

— Посмотрим. Кто тебя знает? Может, ты сегодня опять примешься за старое?

— Наверно, нет, — со вздохом, негромко проговорил Иван. — Трудно ведь.

— Конечно, трудно. А ты как думал? Это по телевизору выступать легко. И за лунатика себя выдавать легко. Драться легко. Кусаться легко. И по лужам топать легко. А учиться трудно.

«Тебе хорошо, — мрачно подумал Иван, когда она ушла, — ты с детства привыкла уроки делать. А я?»

Войдя в класс, он не закричал, как обычно, не запрыгал, а сел на своё место и сидел помалкивал.

— Как жизнь? — спросил Колька.

— Нормально, — ответил Иван, — устал только. Всю ночь уроки делал. Не выспался.

— Всю ночь?! — поразился Колька. — За час можно сделать.

— Смотря кому.

Звонок.

«Сейчас вы все ахнете, — торжествующе подумал Иван, — сейчас меня вызовут и...»

Но сколько он ни тянул руку вверх, Анна Антоновна не замечала. Иван до того обиделся, что руки под парту спрятал.

В перемену он не двинулся с места, сидел, опустив свою большую голову, и грустно размышлял: «Вот, пожалуйста! Только выучил человек уроки, так на него ноль внимания. А если бы он не выучил, то, будьте уверены, вызвали бы! А зачем уроки учить, если тебя не спрашивают?»

— Я уроки выучил! — крикнул он.

Весь класс окружил Ивана.

— Молодец Аделаида! — сказал Паша.

— Вот это буксир, я понимаю! — сказал Колька.

— А она-то при чём? — удивился Иван. — Я сам.

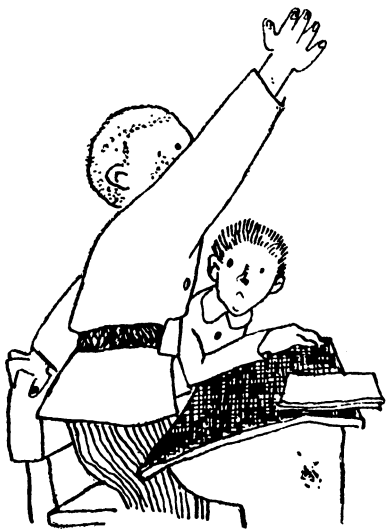
— Сам, сам! — передразнил Колька. — Пока она тебя хорошенько не стукнула, ты и не собирался уроки учить.

В класс вошла Анна Антоновна. «Сейчас все закричат, что я уроки выучил, — подумал Иван, — и она меня вызовет».

Но ребята молчали.

Урок шёл своим чередом. Иван чуть руку не вывихнул, до того старательно тянул её в верх.

Никакого впечатления!

«Нарочно, нарочно, — пронеслось у него в голове, — чтобы помучить меня. Чтобы поиздеваться!»

Взял да и поднял обе руки.

— Семёнов, не хулиганить, — сказала Анна Антоновна.

«Если и по чтению не спросят, — решил он, — больше я вам уроков делать не буду. Ни разу в жизни».

Не спросили его и по чтению.

После уроков, когда Анна Антоновна ушла, ребята бросились из класса, устроили в дверях такую давёжку, что Иван с трудом сдержался, чтобы не принять в ней участие. Все убежали.

«Сговорились, — подумал он, — бросили меня одного, чтобы я погиб со скуки».

В дверях Иван столкнулся с Аделаидой.

— Куда? — грозно спросила она. — А домашние задания? Кто учить будет?

— Я, — ответил Иван. — Домашние задания делают дома. Оттого они и называются домашними. Понятно?

— Понятно,—сквозь зубы сказала Аделаида,— не возражаю. Пошли домой. Тем более, что бабушка приглашала меня заходить к вам почаще.

БАБУШКА ОПЯТЬ БУНТУЕТ

И — напрасно ты со мной ссоришься, — сказала Аделаида по дороге. — Ну никак не могу понять, для чего тебе со мной ссориться?

— Дружить мне с тобой прикажешь?

— А что?

— Может, мне ещё зуб золотой вставить прикажешь? — Иван хмыкнул. — Нетушки.

— Дело твоё. Но я бы на твоём месте со мной подружилась.

«А я бы на твоём месте, — подумал Иван, — оставил бы человека в покое».

— Шла бы ты домой, — сказал он, — я и без тебя уроки сделаю. Как вчера.

— Не верится что-то.

Навстречу шёл Егорушкин, приложил руку к козырьку, сказал:

— Привет лунатикам!

— А он вчера уроки выучил! — радостно сообщила Аделаида.

— Какое важное событие, — насмешливо проговорил Егорушкин. — А то я вчера у телевизора со стыда чуть не сгорел. — И серьёзно добавил: — Желаю успехов! — Откозырял и пошёл дальше.

— Событие, — пробормотал Иван. — А чего смеяться?

— Забудем этот печальный случай, — предложила Аделаида.

— Есть забыть этот печальный случай! — весело согласился Иван.

К его удивлению, дверь в квартиру оказалась незапертой. Они вошли. Заглянули на кухню — никого. Заглянули в комнату — бабушка лежала в постели. Увидев внука, она громко застонала.

— Что с тобой? — испуганно спросил Иван. — Всё ещё болеешь?

— Врача позвать? — спросила Аделаида.

— Не надо, — еле слышно ответила бабушка, — врачи тут не помогут. Обидели меня.

— Кто? — спросил Иван.

— Все. Вся наша семья. Никому я, видите ли, не нужна. Вот и сидите без обеда. Узнаете, как без меня-то.

— Значит, я голодным буду? — голос у Ивана дрогнул. — За что?

— За то, что против бабушки пошёл, — и она закрыла глаза.

Иван с Аделаидой постояли, постояли и ушли на кухню.

— Да-а, — протянул Иван, — дела. А всё из-за того, что один раз человек проснулся утром сам. — И он рассказал об утренней истории.

— Есть выход из положения, — подумав, решительно заявила Аделаида. — Надо приготовить обед.

— А что будет с бабушкой?

— С бабушкой будет плохо. Но иначе нельзя. Иначе она тебя избалует до безобразия.

ОКАЗЫВАЕТСЯ, НЕ ТАК-ТО ПРОСТО

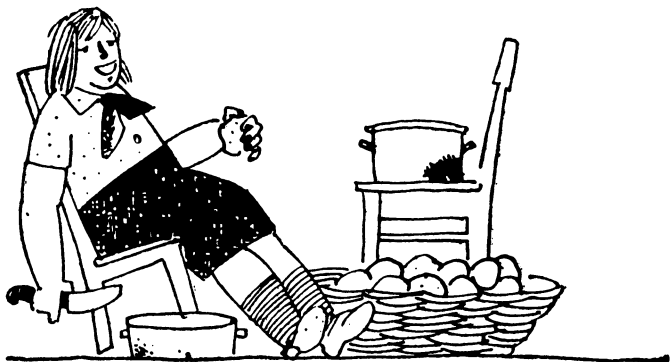
-В о-первых, — сказала Аделаида, — тихо. Во-вторых, не хныкать. Представь себе, что мы на необитаемом острове. Если мы не сумеем быстро, без шума приготовить пищу, то погибнем.

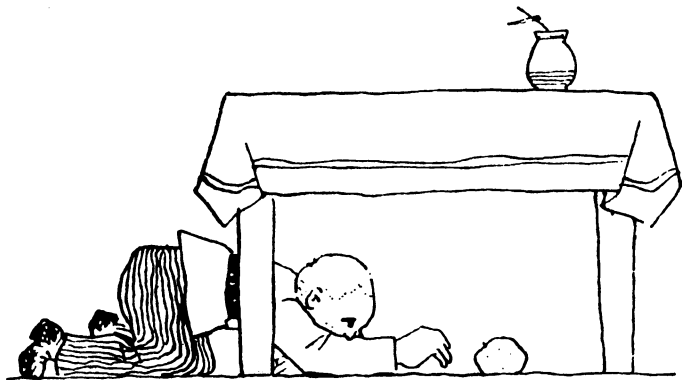
Велика ли важность — начистить картошки?

Оказалось — велика.

Картошка-то круглая, и так ей хочется выскользнуть из ваших рук и укатиться под стол! Вы за ней прыг, а на плечах у вас голова, и вот эта голова старается обо что-нибудь стукнуться.

Нож не режет картофелину, но с удовольствием режет ваши пальцы. Еле-еле успеваешь их отдёргнуть.

— Молодец, — сказала Аделаида, когда Иван расправился со второй картофелиной. — Осталось ещё штук десять.

А у Ивана от обиды и злости руки тряслись. Он решил: если картофелина выскользнет, ползать за ней он не будет — возьмёт другую.

Но картошка была его хитрее. Она выскальзывала только тогда, когда кожуры на ней почти не оставалось. Сами понимаете, что бросать такую было жалко. И до того Иван разозлился, что твёрдо решил: «Все пальцы себе отрежу, а ни одну картошку не выпущу!»

Испугалась картошка, больше из его рук не выскальзывала.

— Ванечка, — позвала из комнаты бабушка.

— Ничего ей не говори, — прошептала Аделаида.

— Посиди со мной, — попросила бабушка, — скучно мне. Есть хочешь?

— Очень.

— А есть-то нечего, — весело сказала бабушка. — А я ещё пять дней болеть буду.

БАБУШКА СДАЛАСЬ

Когда Иван вернулся из комнаты, на кухне уже вкусно пахло борщом.

— Ох и попадёт! — испуганно прошептал Иван.

— Если ты очень трусишь, — сказала Аделаида, — свали всё на меня.

— Нетушки! — горячо отказался Иван. — А кто картошку чистил? — и с гордостью понюхал воздух.

— А что, если нам сейчас и уроки сделать? — спросила Аделаида. — Понимаешь, как будет здорово?

— Понимать-то я понимаю, — с кислой миной ответил Иван и честно признался: — Да уж больно мне неохота.

— А ты думаешь, мне хочется за уроки браться? Как бы не так! Я иногда даже реву, до того не хочется! Зато когда я сделала, я свободный человек.

— Свободным-то человеком я быть люблю, — сказал Иван.

— Вот для этого и надо уроки учить. Кроме того, сейчас без образования даже рабочим на завод не примут. И ещё учти: если ты во втором

классе к урокам не привыкнешь, то потом тебе будет просто беда. Привыкай сейчас.

— Я привыкаю,— Иван тяжело вздохнул и опять понюхал воздух: очень вкусно пах борщ.

— Это ещё что такое?! — на пороге стояла бабушка. — Это что за безобразие?! Это как называется?!

— Борщ, — ответили Иван и Аделаида.

— Борщ?—переспросила бабушка, открыла крышку и ударила ею о кастрюлю, как барабанщик медными тарелками. — Кто варит?

— Я, — ответили Иван и Аделаида.

— Та-ак, — грозно протянула бабушка, — понятно. Издеваетесь?

— Наоборот, — сказала Аделаида, — как раз наоборот. Не о том он беспокоился, чтобы самому поесть, а о том, чтобы вас накормить.

— Да ну? — удивилась бабушка. — Золотце ты моё бесценное!

Она хотела обнять внука, но он вырвался.

— Я, между прочим, картошку чистить научился.

Бабушка всплеснула руками, укоризненно покачала головой и проговорила:

— Так, так... Значит, зря я болела? Значит, мне и поболеть нельзя? В другой раз я заболею, а он и бельё стирать научится, и пельмени стряпать, и варенье варить?! Кому я тогда нужна буду?

— А помощника вам разве не надо? — спросила Аделаида. — Разве вы не хотите, чтобы он вам помогал?

— Может, и хочу, — бабушка улыбнулась, понюхав, как пахнет борщ. — Но раньше-то я была незаменимая!.. Но мало ли, что было раньше. Давайте-ка лучше борщ есть. Проголодалась я, пока болела.

Иван съел три тарелки.

ИВАН НЕ СДАЁТСЯ

Делаида вскоре ушла, взяв с Ивана честное слово, что он и сегодня сам приготовит домашние задания.

Злой сидел Иван. Эх, придумать бы такую специальную ручку, чтобы сама уроки делала! Колпачок бы с неё снял, положил бы её на тетрадь и — поехала! Вжик-вжик, чик-чирик — готово домашнее задание!

Или бы специальную машину изобрели: сунул бы в неё тетрадь — тр-тр-тр-тр-тр! — готово домашнее задание!

Или бы ещё такой прибор сделали: трахнул бы им по голове — и она что угодно запомнила бы. Трах — правило запомнил; трах — стихотворение выучил; трах, трах, трах — вот это учёба!

Иван ойкнул, потому что, размечтавшись, стукнул себя кулаком по голове.

— Гвардии рядовой Семёнов! — скомандовал он. — На упражнение по русскому языку вперёд — марш!

Если бы кто-нибудь в это время подставил ухо к дверям, то подумал бы, что Иван с кем-то борется — так громко он пыхтел. Он врезался грудью в стол и высунутым языком чуть-чуть не касался страницы. Нагни он голову ещё на полмиллиметра ниже — и лизнул бы строчку.

А лень-матушка стояла рядом, нашёптывала: «Бедненький, несчастненький! Пожалеть тебя, кроме меня, некому. Иди-ка лучше побегай. Или спать ложись. Я тебе песенку спою, сказку расскажу».

«Уйди ты от меня, — отвечал Иван, — и без тебя тошно».

«Никуда я от тебя не уйду, — сказала лень-матушка, — друзья мы с тобой на всю жизнь».

Каждая буква давалась Ивану с трудом, и когда он поставил последнюю точку, рук поднять не мог.

«Не мучь ты сам себя, — сказала лень-матушка, — заболеть ведь можешь. Умереть можешь!»

— Гвардии рядовой Семёнов! — скомандовал Иван. — В атаку на примеры — марш!

И лень-матушка исчезла: видеть она не могла тех, кто добрым делом занят. (Между нами говоря,

ушла она не так уж и далеко, всё ещё надеясь, что уговорит Ивана).

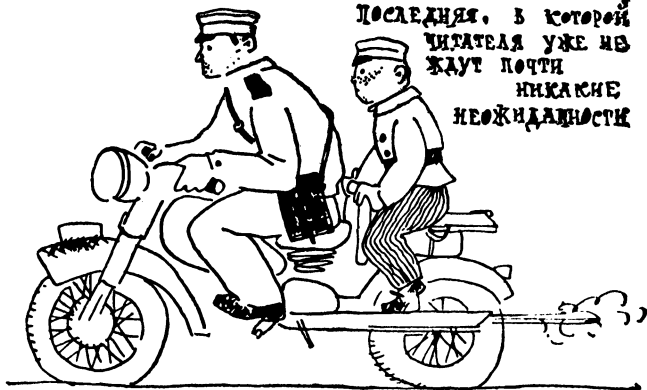
А он побеждал пример за примером. Хотя они сдавались не сразу, но сдавались.

А когда сдался последний пример, Иван вскочил и заплясал. Он прыгал по комнате и что-то кричал, а чего — и сам не мог понять.

Вот как радовался!

Глава № 8,
последняя, в которой
читателя уже не
жаут почти
никакие
неожиданности

Как Иван получил «восьмёрку»

У жас!
Иван проспал!
ПРОСПАЛ!!!

Он выскочил в кухню и увидел улыбающуюся бабушку.

— Здравствуй, внучек, — сказала она. — Побоялась тебя будить. Уж извини. Опоздал ты. Десять с половиной минут осталось до начала уроков.

Иван быстренько оделся и — на улицу.

Из-за угла выехал мотоцикл. А на нём известный вам Егорюшкин.

— Беда! — не своим голосом крикнул Иван. — Опаздываю! Спасите!

— Садись, — коротко разрешил Егорушкин.

Хотел ветер Ивана с седла сдуть, но Иван удержался. Тогда ветер рассердился и сдул с его головы фуражку. Фуражка шлёпнулась в лужу. Но Иван промолчал: после уроков можно её выловить.

Егорушкин подвёз Ивана к самому входу в школу. Иван медленно слез с мотоцикла, сказал:

— Вот спасибо.

— В первый и последний раз, — сказал Егорушкин. — Просто не люблю, когда опаздывают.

На радостях Иван успел до звонка побороться с Пашей, поругаться с Колькой, отобрать у одной девочки портфель, забросить его на шкаф и достать обратно.

Когда в класс вошла Анна Антоновна, Иван сказал:

— А я опять уроки сделал!

— Я знаю, — ответила Анна Антоновна. — Сейчас раздам тетради со вчерашними заданиями.

— У кого «пятёрки»? — спросил Колька.

— Семёнов! — позвала Анна Антоновна.

— Не может быть! — крикнул Колька.

— За обе работы я поставила тебе «три», — сказала Анна Антоновна Ивану. — Очень грязно и некрасиво. Но за старание ты получил «пятёрки».

— Три да пять, — сказал Паша, — будет восемь. Ни разу в жизни «восьмёрки» не получал.

— Маленький ещё, — гордо сказал Иван.

— Вот это отметка, я понимаю! — крикнул Колька.

К ЧЕМУ ПРИВОДИТ ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ

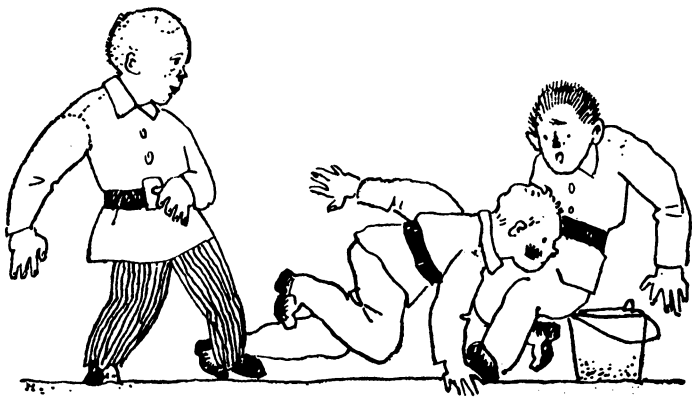
В перемену Иван искал Аделаиду, но не нашёл: узнал, что в школу она не приходила. «Заболела», — мельком подумал он и тут же забыл об этом.

Хорошее у него было настроение!

И вот к чему оно привело.

После уроков Иван вприпрыжку бежал по коридору. И, можно сказать, не сам Иван, а его левая нога сама дёрнулась в сторону. О неё споткнулся Паша, полетел, головой ударил в живот Кольку, а Колька опрокинулся назад и сел в ведро с водой.

Сел в воду и заорал со страха:

— Тону!

Со всех сторон сбежались ребята — ничего понять не могут.

Видят, что сидит в углу человек на корточках и орёт. А ведра не видят.

Тут Иван сообразил и приподнял Кольку за шиворот.

А ведро будто приклеилось — не падает. А Колька разогнуться не может. Разогнули ребята Кольку — воду разлили.

Вдруг — дежурный по школе. Ребята врассыпную. Иван тоже — бежать, да на ведро налетел и в луже растянулся, да ещё проехался немного. Лежит и чуть не плачет: ведь получилось из него что-то вроде промокашки — всю лужу его одежда в себя впитала.

— Скажи, кто тебя обидел, мальчик? — спросил дежурный, помогая ему встать.

Иван вопроса не расслышал и ответил:

— Семёнов.

— Из какого класса?

— Второй «А».

— Хорошо, — сказал дежурный, — так и запишем. Не беспокойся, мальчик, он будет наказан.

Побрёл Иван — мокрый весь спереди.

На улице его ждал Колька — спереди сухой, зато сзади мокрый.

— Доигрался? — спросил он. — Как теперь домой идти? Попадёт ведь.

— Пойдём сушиться, — предложил Иван. — С часик погуляем — и всё в порядке. Фуражку мою из лужи выудим.

Как сох Колька

уражка намокла, утонула, и из лужи виднелся кончик козырька. Иван сказал:

— Ведро бы достать и вычерпать бы всю лужу.

— Палку бы достать, — сказал Колька, — или разуться и босиком топ-топ.

— Так любой дурак достанет, — задумчиво ответил Иван. — А ты попробуй метод примени. А не палку.

— Нет уж, ты давай метод применяй. А то знаю я твои методы.

— Пожалуйста. Ты держи меня за ноги в воздухе, а я руками топ-топ и дотянусь до этой утопленницы.

— За ноги?! — поразился Колька. — Тебя?! Ты тяжёлый. Мне тебя не удержать. Уж лучше ты меня за ноги держи, а я руками топ-топ. Я лёгкий. Я быстренько.

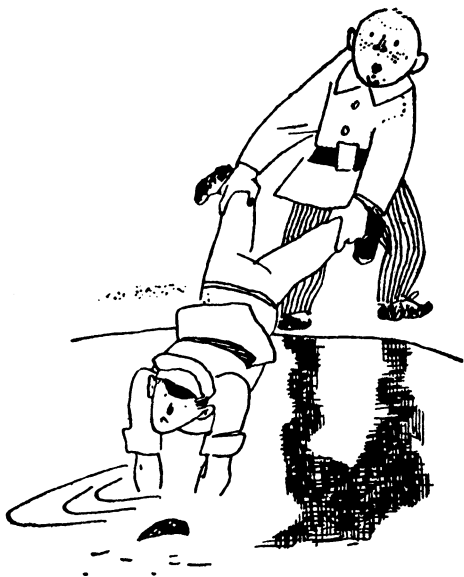
— Всегда вот у тебя так, — проворчал Иван, — я придумаю, а слава тебе.

— Слава?! — опять поразился Колька. — Где я её видал, славу-то? Вечно мне из-за тебя достаётся!

— Тогда держи меня за ноги.

— Не удержать мне тебя. А ты меня запросто, я ловкий! — Колька, повизгивая от нетерпения, закатал рукава, встал на четвереньки и крикнул: — Пошли, пошли! Полный вперёд!

— Сначала на суше потренируемся, — предложил Иван.

Тренировка удалась: Колька руками ходил по земле, а Иван держал его ноги в воздухе.

— Поворачиваю! — восторженно крикнул Колька и заработал руками по направлению к луже.

Он вошёл в неё, погрузившись почти по локти, и, осторожно переставляя руки, приближался к фуражке.

До фуражки оставалось не более полуметра, как Иван скомандовал:

— Полный назад!

Дело в том, что Иван оказался уже на самом краю лужи. Ему и в лужу заходить не хотелось, и Колькины ноги нельзя было отпускать.

— Полный назад! — снова скомандовал он.

А Колька увлёкся, ничего не слышал и из всех сил тянулся к фуражке. А Иван из всех сил тянул его к себе. Колька почувствовал, что сейчас его тело разорвётся на две части.

— Отпускай! — испуганно крикнул он.

Иван разжал пальцы, и Колька шлёпнулся в лужу.

Не крикнул, не пикнул, не ойкнул...

Стоял на четвереньках, будто не знал, что ему делать.

— Вылезай, — прошептал Иван, — а то простудишься.

Колька на четвереньках добрёл до фуражки, взял её и вернулся на сушу; постоял ещё немного на четвереньках и поднялся на ноги.

— Подсох! — жалобно воскликнул он. — Высох! Жизни мне из-за тебя нет! Вечно ты меня в какую-нибудь историю втянешь!

— Никто тебя не тянул. Сам ты в лужу полез.

— А кто меня на части хотел порвать?

— Это что такое?! — услышали они испуганный голос Анны Антоновны. — Что с вами?!

— В лужу спикировал, — объяснил Колька, — вот из-за этого головного убора! — Он бросил фуражку обратно в лужу: — Сам доставай! Каким-нибудь методом! Свинство это, а не метод.

— Сейчас же идите по домам, — сказала Анна Антоновна. — Ну просто беда мне с вами. Вот кого

ты сегодня, Семёнов, в школе в лужу какую-то толкнул?

— Не в лужу, а в ведро, — сказал Колька. Он повернулся к Анне Антоновне спиной — сзади он тоже был мокрый. — Видали? — торжествующе спросил он. — Красота! А вы ему «восемёрки» ставите! Учтите, Анна Антоновна, что я зря страдал. И тут, в луже, зря страдал; и там, в ведре, зря страдал. Всю жизнь я из-за него страдаю.

— Хныкалка ты, вот ты кто, — презрительно проговорил Иван, — нытик и паникёр.

Тут Колька сжал кулаки и подпрыгнул к нему.

— Шли бы вы по домам, — сказала Анна Антоновна, вставая между мальчишками. — Увидят вас люди, испугаются.

— Мне домой нельзя, — грустно сообщил Колька, — мне здорово попадёт.

— Тогда идёте ко мне, — предложила Анна Антоновна, — я тут неподалёку живу.

Ещё вопрос - кого на буксир брать?

Мальчишки остались в трусах и майках. Иванову одежду Анна Антоновна повесила на балконе сушиться, а Колькину решила выстирать.

— А вы пока займитесь обедом, — сказала она.

— Хорошо! — ответил Колька. — А какой у вас суп?

— Супа у меня нет никакого. Его приготовить надо. Что ты умеешь делать?

— Я? — Колька ненадолго задумался. — Например, суп мешать умею. Пробовать умею. Посолить могу.

— А ты, Ваня?

— Я картошку чистить умею.

— Смешно! — Колька хихикнул. — У меня сестёр две штуки, зачем мне с картошкой возиться?

Никто ему не ответил, и он опять хихикнул. Ему снова никто не ответил, и он снова хихикнул.

Анна Антоновна поставила на газовую горелку кастрюлю, положила туда мясо и ушла стирать Колькину одежду.

— И не стыдно тебе? — спросил Колька. — Хочешь, всем ребятам расскажу? Ведь задразнят тебя тогда. Проходу не дадут. Где это слыхано, где это видано, чтобы наш брат картошку чистил?

— А в армии?

— Там специальные повара есть. Солдаты воюют, а повара картошку чистят и прочее. Ты поваром хочешь быть или солдатом?

— А если убьют повара?

— Запасной бывает.

— А если запасного убьют?

— Тогда сухой паёк едят. Концентраты разные.

— Сам ты концентрат, — сказал Иван. — Сам ты сухой паёк.

— А тебя на буксир взяли!

— По ошибке. Зря взяли. Тебя надо было на буксир взять.

— А за что?! — поразился Колька. — Я средний. У меня всё в порядке. У меня всего понемножку. Всё в меру.

— А вот я тебя на буксир возьму, — пообещал Иван. — Не сейчас, конечно, а потом.

Вернулась Анна Антоновна, развесила на балконе Колькину одежду, сказала:

— Часа через два высохнет.

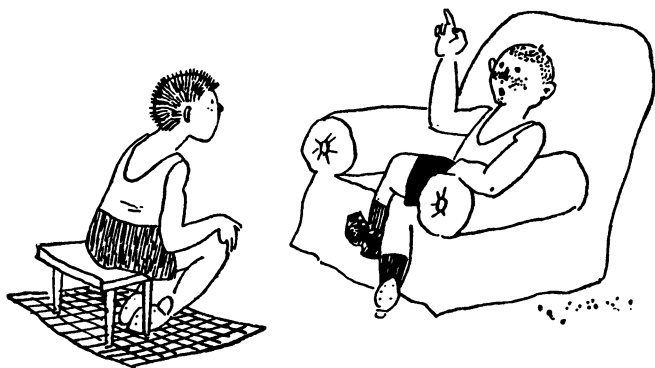
— Красота! — воскликнул Колька. — Домой приду сухой, чистый! А суп скоро будет готов?

— Сухим пайком получишь, — ответил Иван. — По-моему, Анна Антоновна, теперь его очередь к буксиру прицепляться.

— Не смей ты меня! — чуть не плача, сказал Колька. — Чего ты ко мне привязался? Иди ты своей дорогой, вон у тебя всё высохло.

— И пойду, — сказал Иван. — У меня дел много, не то что у тебя.

— Какие же у меня могут быть дела, когда я в таком виде? — возмутился Колька.

— Довольно ссориться, — сказала Анна Антоновна. — А буксир никому не вреден. Не знаете, почему Аделаида сегодня в школе не была?

— Наверно, мороженым объелась, — ответил Колька. — Говорят, она в день по килограмму съедает.

— Не по килограмму, а по четыре, — сказал Иван.

— Да ну?! — поразился Колька.

— У них дома только мороженое едят. Кошка ничего, кроме эскимо, в рот не берёт. А собака только сливочный пломбир.

— Вот это я понимаю! — поражённый, воскликнул Колька. — Мне бы так денька три пожить!

Иван не сдержался и захохотал.

— Обманул! — разочарованно воскликнул Колька. — А я сначала поверил. Вот всегда он так, Анна Антоновна.

— Спорить мне некогда, — сказал Иван. — Вот возьму я тебя на буксир, тогда проверим...

— Ты пока ещё сам на буксире, — перебила Анна Антоновна. — Не забывай.

— Я не забываю, — пробормотал Иван. — Только я бы на вашем месте вот этого Николая Веткина обязательно бы на буксир взял.

Лицо у Кольки было такое испуганное и обиженное, что Иван добавил:

— Тебе же лучше будет.

— Вот это я понимаю... — прошептал Колька — Да что же такое получается? Получается, что опять я виноват?!

— Виноваты оба, — сказала Анна Антоновна.

ИВАН НАХОДИТ ЗОЛОТОЙ САМОРОДОК

рустный брёл Иван по улице.

Как домой без фуражки явиться?

Где найти сил, чтобы сесть за уроки?

Вдруг Иван увидел, что в траве — будто оско-
лочек солнца блестит.

Он любовался сверканием, нагнулся и под-
нял... зуб!

«Пусть зуб, — подумал Иван, — всё равно зо-
лотой самородок!»

Чей же это зуб? Аделаиды, её мамыши или ещё
чей-нибудь?

Что должен делать честный человек, если най-
дёт драгоценность?

Отнести в милицию!

Но Егорушкин, взглянув на зуб, сказал:

— Можешь взять это дело себе. Заявления о
пропаже золотого зуба ко мне не поступало.

— Не могу я его себе взять, — сказал Иван. —
Чужая вещь. Может, ищет кто, а найти не может.

— Да у нас в посёлке всего два золотых зуба
в наличии, — сказал Егорушкин, — у гражданки из
мороженого киоска и её дочери. Иди и отдай.

Идти к Аделаиде Ивану не хотелось. И её он
побаивался, и мамыши.

— Как живём, лунатик? — окликнул его дед
Голова Моя Персона. — А я своего друга вылечил.
Теперь ему никакая луна не страшна. Оказалось,
что ему еды не хватает. Ночью-то он есть захочет

и спросонья идёт куда-нибудь на запах. Стал я его с вечера сытнее кормить, и вылечился пёс. Одна беда: уж больно крепко спит! Разбудить его нет моих возможностей. И вообще совсем дурной стал. Ничего не соображает, — жаловался дед. — Нашёл я сегодня утром золотой зуб. Возле киоска. Обрадовался я. А зуб-то у меня из пальцев возьми да и выскользни. А пёс его — хап! — проглотил. Как говорится, съел за милую душу.

Иван, вздохнув, разжал ладонь.

— Он самый! — воскликнул дед. — А откуда он у тебя?

— Нашёл. Недалеко от киоска.

— Выходит, что друг мой и не виноват. А я его... Придётся прощения просить.

— Берите, дедушка, — Иван протянул зуб. — Вы первый нашли.

— Я нашёл, я и потерял. Теперь он твой. Можешь вставить, — с завистью сказал дед. — Красиво будет.

— А если Былхвосту вставить?

— Сторожевому-то псу?! — возмутился дед. — Да ведь зуб-то сверкает! Его же в темноте за тысячу вёрст видно будет!

— Так ведь, дедушка, он у вас всё время спит.

— А вдруг проснётся? Раскроет пасть, а там, как фонарь, золотой зуб горит. Да и как ты псу зуб вставишь? Искушает он врачей-то.

— А если связать его?

— Да что ты со мной глупые разговоры ведёшь? — обиженно спросил дед. — Восьмой десяток лет на земле доживаю, а собаки с золотыми зубами

не видывал. Отдай зуб законному владельцу или в милицию отнеси.

— Я бы отдал в милицию, да не берёт Егорушкин. Говорит, сам владельцам отнеси.

Дед подержал зуб в руках, отдал Ивану и сказал:

— Законному так законному.

— А чего это я его искать буду? — с тоской спросил Иван. — Он, может, сейчас сидит, компот ест, а я ищи, мучайся?

— Не знаю, — дед вздохнул. — Может, компот употребляет, может, слёзы горькие льёт. Не знаю. У меня, голова моя персона, ни разу в жизни ни одного золотого зуба не было.

— У меня тоже.

— Вот и иди, и отнеси.

Иван потоптался на месте и побрёл. Очень ему не хотелось идти к законным владельцам золотых зубов.

Боялся Иван.

«А чего бояться? — спросил он самого себя. — Не искушают же они тебя? А если и будут драть-ся, то удрать можно».

Эх, поесть бы сейчас и лечь спать!

И сон бы увидеть хороший!

Например, как прошло много-много лет, и в школе, в которой Иван учился, на стенах в каждом классе висят его портреты. А на здании прибита каменная доска, а на ней золотыми буквами написано:

В ЭТОЙ ШКОЛЕ СТРАДАЛ И МУЧИЛСЯ,
НО
С ОТЛИЧИЕМ ЕЁ ЗАКОНЧИЛ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ,
НО
САМЫЙ НЕСЧАСТНЫЙ ЧЕЛОВЕК
ИВАН СЕМЁНОВ.

Иван от умиления шмыгнул носом. Даже поплакать захотелось.

Однако плакать было некогда. Он стоял перед высоким забором.

ЗАКОННЫЕ ВЛАДЕЛЬЦЫ ЗОЛОТЫХ ЗУБОВ НАЙДЕНЫ

Калитка была закрыта. Иван постучал. В ответ раздался страшный собачий лай и звон цепи.

«Только бы сама Аделаида вышла, а не её мамаша», — испуганно подумал Иван.

Но из дома вышла мамаша. Иван ждал её, еле живой от страха.

— Чего надо? — грозно спросила она, подойдя к калитке.

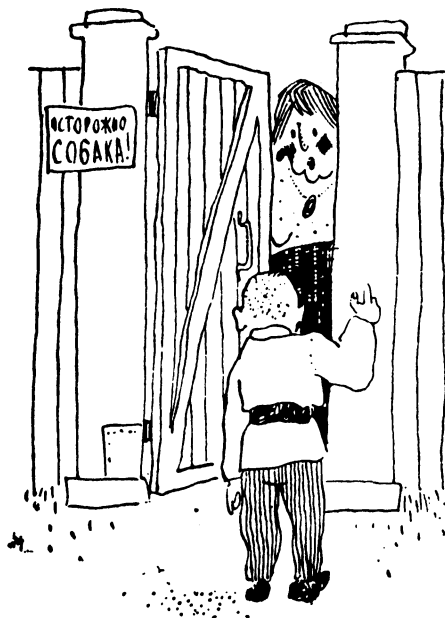
— Аделаида дома?

— А тебе что?

— Аделаиду.

— Болеет она! И я болею! Все болеем!

— А чем? — поинтересовался Иван и вдруг увидел, что на месте золотого зуба у неё — дырка. —

Вот! — крикнул он радостно и протянул в щель между досками руку.

Мамаша схватила зуб левой рукой, а правой — руку Ивана, спросила:

— Второй где? Второй зуб где?

— Не знаю, — ответил Иван, пытаясь освободить руку.

— В милиции скажешь!

— Да был я в милиции! — чуть не плача, крикнул Иван. — Отпустите меня! Больно мне! Вместе в милицию сходим, если хотите! Отпустите только!

— Не могу, — призналась мамаша. — Боюсь: убежишь.

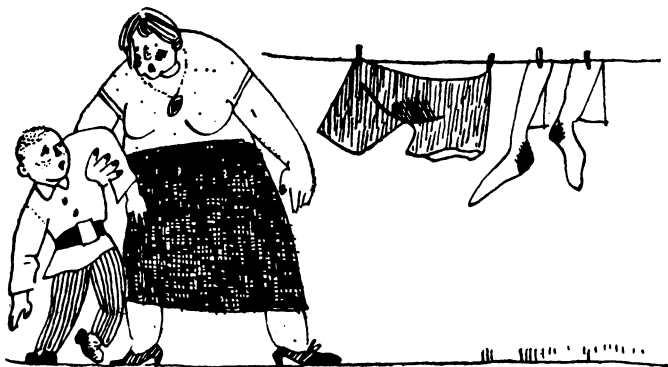
— Не убегу! Честное слово!

Она выпустила руку и сказала:

— Жалко. Хороший был зуб.

— Идёмте к Егорушкину, — предложил Иван, размахивая онемевшей рукой. — Там вам докажут, что я честный человек.

— Ну да? Выходит, я честного человека за руку тащила? Нет у меня времени по милициям ходить! — проговорила мамаша. — Мне мороженым торговать надо. Мне план выполнять надо. А кто второй зуб нашёл, пусть им подавится. А если ты найдёшь, принеси. Я тебе за это пломбир дам.

— Не найти, — грустно сказал Иван. — Помоему, его собака съела. Былхвост её зовут. Теперь её Былзуб звать можно.

— Заходи, — тоже грустно предложила мамаша и, когда Иван закрыл за собой калитку, позвала: — Аделаида, Адочка! Доченька! Иди сюда!

На крыльце появилась Аделаида. Глаза у неё были заплаканные, щека завязана платком.

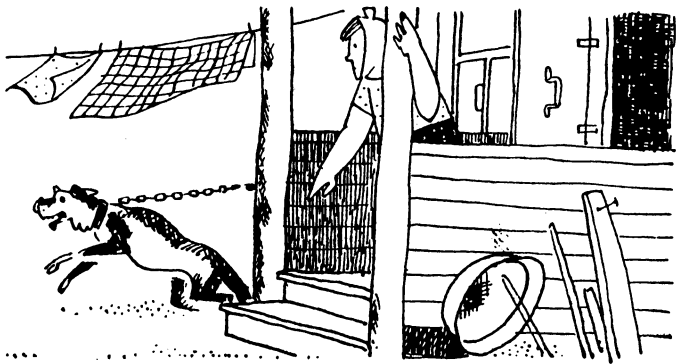
— Здравствуй, Ваня, — сказала Аделаида, и он заметил, что на месте золотого зуба у неё — дырка.

— Один зуб принёс — мой, а твой — нет. Говорит: собака съела. Кто поверит? Отдавай зуб! — жалобно попросила мамаша.

— Нате! — сказал Иван. — Берите любой! Хоть все! — и оскалил свои зубы.

— Дразнишься?

— Нет, — ответил Иван. — Не дразнюсь, а жалею вас. И почему вы всех жуликами считаете?

— Не всех, — мамаша вздохнула. — Ты здесь посиди, а я в милицию схожу, может быть.

Она дошла до калитки, повернулась и сказала:

— Даже и не знаю. Может, найду в милицию, может — нет. А ты на всякий случай тут сиди. А ты, дочка, его карауль.

Когда мамаша свернула за угол, Аделаида сказала:

— Посидим на крылечке.

Сели.

— Чего это у вас зубы выпали у обеих? — спросил Иван.

— Не выпали, а вырвали их. Заболели они. Вчера ночью. И у меня, и у мамы. Мы утром в больницу. Нам их выдернули. А я их потеряла.

— Радоваться надо, — сказал Иван. — Сверкали они у вас, как прожекторы. Теперь нормальные вставите.

— Мама обязательно золотые хочет! — Аделаида всхлипнула. — Любит она золотые зубы! А ты... ты уходи.

— Вот ещё! — Иван презрительно скривил губы. — Что я жулик, чтоб бегать?

— Так ведь она может в милицию...

— Ну и что? Ей же и попадёт. В общем, ещё вопрос, кого на буксир брать. Ещё вопрос, кто УО. Уроки выучила?

— Я же в школе не была.

— Узнай у кого-нибудь. Разве можно приходить в школу, если уроки не сделаешь? Такой к тебе буксир прикрепят — ахнешь!

— Да как тебе не стыдно так со мной разгова-

ривать? — рассердилась Аделаида. — Я и без тебя...

— Пошутил я. Никто тебя на буксир брать не будет! И вставляй ты себе золотых зубов сколько хочешь. Хоть в два ряда. Только не теряй больше.

— Я пойду. Дел у меня много. Просто ни минутки свободной нет. Даже спать некогда. А когда большой вырасту, может, и вставлю себе золото. Для пробы. А потом обратно выставлю. Подарю кому-нибудь.

— Ты уходи, уходи, — прошептала Аделаида испуганно, — сейчас мама милицию приведёт.

— Не смей ты меня, — гордо ответил Иван. — Мне за ваше золото должны благодарность вынести и в газете напечатать. «Честный человек» — большими буквами. Тогда все меня уважать будут, даже Анна Антоновна.

— Я тебя уважаю, — сказала Аделаида.

— Я тебя тоже, — сказал Иван. Ему вдруг стало весело. — Я всех уважаю-жаю-жаю! — пропел он.

Пёс грозно зарычал.

— Бах! Бах! — крикнул Иван, прицеливаясь в него пальцем, и пёс поджал хвост.

Иван повернулся к Аделаиде.

— А будешь со мной дружить? — тихо сказала она.

— С тобой? — удивился он. — Дружить?

Аделаида кивнула и отвернулась.

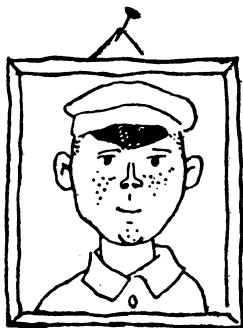
— Буду, — ответил Иван. — Если надо, то буду.

Он дошёл до калитки и добавил:

— А мамаше своей ты скажи так: «Гвардии рядовой Иван Семёнов отправился выполнять бое-

вое задание!» Ждать её у меня времени нет. Дел у меня много.

Выйдя за калитку, Иван помахал Аделаиде рукой и зашагал, напевая весёлую песенку.

К О Н Е Ц

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава № 1</i> , служащая как бы вступлением к описанию жизни Ивана Семёнова и объясняющая некоторые причины его дальнейшего поведения	5
<i>Глава № 2</i> , в которой описывается игра в шпионов и встреча Ивана с настоящими шпионами, которые оказались ненастоящими	23
<i>Глава № 3</i> , в которой впервые появляется Аделаида, а Иван Семёнов пытается выдать себя за лунатика...	39
<i>Глава № 4</i> , в которой описываются события одной ночи, а также подготовка к ней	57
<i>Глава № 5</i> , писать которую автору очень не хотелось, потому что в ней Иван Семёнов снова совершает ряд плохих поступков, начинает драку с Аделаидой, терпит поражение и ...выступает по телевизору . .	69
<i>Глава № 6</i> , в которой бабушка неожиданно становится одним из главных действующих лиц, а Иван Семёнов совершает героический поступок	92
<i>Глава № 7</i> , в которой бабушка снова пытается быть одним из главных действующих лиц, а Иван Семёнов совершает несколько выдающихся поступков . . .	108
<i>Глава № 8</i> , последняя, в которой читателя уже не ждут почти никакие неожиданности	122

Р2 Давыдычев Л. И.

**Д139 МНОГОТРУДНАЯ, ПОЛНАЯ НЕВЗГОД
И ОПАСНОСТЕЙ ЖИЗНЬ ИВАНА СЕМЕ-
НОВА, ВТОРОКЛАССНИКА И ВТОРО-
ГОДНИКА, НАПИСАННАЯ НА ОСНОВЕ
ЛИЧНЫХ НАБЛЮДЕНИЙ АВТОРА И
РАССКАЗОВ, КОТОРЫЕ ОН СЛЫШАЛ
ОТ УЧАСТНИКОВ ИЗЛАГАЕМЫХ СОБЫ-
ТИЙ, А ТАКЖЕ НЕКОТОРОЙ ДОЛИ
ФАНТАЗИИ.**

Для детей среднего возраста. Пермь,
Кн. изд., 1962. 144 стр. с илл.

Редактор *А. М. Домнин*. Художественный редактор
М. В. Тарасова. Технический редактор *Г. М. Езов*.
Корректор *И. Л. Пархомовская*

Подписано к печати 21/VII 1962 г.

Форм. бумаги 70×108¹/₃₂ 2,25 б. л. 4,5 п. л.
Уч.-изд. 5,2 л. Тираж 100 000 экз. Цена 28 коп.

2-я книжная типография облполиграфиздата.
Пермь, ул. Коммунистическая, 57. Зак. 544.

Сканирование и обработка
Алексей Н. (Lion)

28 коп.

